

На правах рукописи

САВИЦКАЯ Екатерина Владимировна

**КОГНИТИВНЫЙ СУБСТРАТ
СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА
И ЯЗЫКОВОГО МЫШЛЕНИЯ**

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Волгоград – 2025

Работа выполнена на кафедре английской филологии и межкультурной коммуникации федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Самарский государственный социально-педагогический университет».

Научный консультант – *Борисова Елена Борисовна*, доктор филологических наук, профессор.

Официальные оппоненты: *Воркачев Сергей Григорьевич*, доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет», профессор кафедры иностранных языков № 1);

Кононова Инна Владимировна, доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», профессор кафедры английской филологии и перевода);

Черкасова Инна Петровна, доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет)», профессор кафедры иностранных языков).

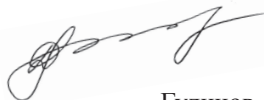
Ведущая организация – ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина».

Защита состоится 21 мая 2025 года в 10.00 часов на заседании диссертационного совета 33.2.007.02 в Волгоградском государственном социально-педагогическом университете по адресу: 400005, г Волгоград, пр-кт им. В.И. Ленина, 27.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»: <http://www.vgspu.pf>.

Автореферат разослан 12 марта 2025 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
доцент

Гулинов Дмитрий Юрьевич

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В течение XX столетия западноевропейская и американская лингвистика развивалась в значительной мере в русле структурализма и выросшей на его почве трансформационно-генеративной теории – направлений, исходящих из основополагающей декларации, которую выдвинул Ф. де Соссюр: истинный и единственный объект лингвистики – это язык, рассматриваемый в самом себе и для себя. В их рамках изучалась только структура языка – в большем или меньшем отрыве от той среды, в которой эволюционирует и функционирует язык. Такой подход позволил точно и детально описать форму языка, но этим и исчерпывалось его предназначение.

Тенденция к изучению языка в изоляции от социального, культурного и психологического окружения оказалась весьма сильной. И всё же стремление ощутить язык как трепетную ткань духа, а не мертвую схему, заставило западных лингвистов в конечном счете преодолеть изоляционизм и вновь обратиться к широким и разнообразным связям языка с внешним миром. Что же касается отечественного языкознания, то в его рамках структуралистские и генеративистские тенденции никогда не были столь сильны, как за рубежом, и живая связь языка с окружающим миром всегда была объектом пристального внимания ученых.

В результате так называемого прагматического поворота 1960-х–1970-х годов возникли стыковые дисциплины – социо-, психо- и этнолингвистика, лингвопсихология, лингвосемиотика, лингвокультурология, лингвопрагматика, теория речевых актов и когнитивная лингвистика как отрасль когнитивистики. В недрах названной отрасли зародилась когитология – учение о языковом сознании и языковом мышлении, ставшее одним из разделов когнитивной лингвистики.

Наблюдаемое в настоящее время увеличение наукоёмкости производства и проникновение науки во все области человеческого бытия побуждают к исследованию того, какими путями и способами осуществляется познание мира и какую функцию выполняет в познании мира естественный язык. Поэтому когнитивная лингвистика ныне обрела особенно высокую значимость. В ее русле решаются вопросы создания, накопления, сохранения и трансляции знаний о мире с помощью естественного языка, а также участия языка в категоризации, концептуализации и моделировании действительности и в целом в процессах познания; вопросы связи между языком и когнитивными способностями людей. На этом пути достигнуты значительные успехи.

Настоящее диссертационное исследование проведено в этом русле. Его **актуальность** обусловлена тем, что целый ряд когитологических проблем еще ждет своего решения. В частности, в рамках этой отрасли требуют дальнейшей разработки вопросы о характере взаимосвязи между традиционным, «наивным» языковым мышлением и мышлением современным,

сциентизированным; о важности внутренней формы языка в познавательном процессе; о когнитивном субстрате семантической системы языка; о языке как многомерном ментальном пространстве и др.

При этом во взглядах лингвистов наблюдаются определенные нестыковки и противоречия, которые нуждаются в устранении.

Степень разработанности проблемы исследования. Проблема связи между наглядно-чувственным и абстрактно-логическим мышлением, отраженной в языке, имеет ряд аспектов, разрабатывавшихся отечественными и зарубежными учеными.

В аспекте соотношения внутренней формы и значения языкового знака данная проблема освещалась в трудах Г. Гегеля, А.А. Потебни, А.Ф. Лосева, А.М. Мелерович, О.А. Леонтович, В.Н. Телия, З.Д. Поповой и др.

В аспекте перехода от универсально-предметного к вербальному коду в процессе порождения речи эта проблема анализировалась в работах Л.С. Выготского, Н.И. Жинкина, С.Л. Рубинштейна, А.А. Леонтьева, И.Н. Горелова, Е.С. Кубряковой, И.А. Зимней и др.

В аспекте культурных скриптов (сценариев) как основы языкового мышления рассматриваемая проблема исследовалась в трудах М. Минского, А. Вежицкой, К. Годдарда, В.И. Карасика, Ю.С. Степанова, Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова и др.

В аспекте языковой картины мира данная проблема рассматривалась в трудах С.Г. Тер-Минасовой, Анны А. Зализняк, Н.Ф. Алефиренко, И.А. Стернина, В.А. Масловой и др.

Объектом настоящего исследования стал когнитивный субстрат семантической системы языка и языкового мышления.

Предметом исследования стала онтологическая природа, элементный состав и структура упомянутого субстрата и его влияние на языковое мышление.

В работе ставилась **цель** выявить и описать механизмы влияния когнитивного субстрата семантической системы языка на характер языкового мышления.

Поставленная цель обусловила необходимость решения ряда **задач**:

1) определить и истолковать понятия “когнитивный субстрат семантической системы языка и языкового мышления” и “когнитивный паттерн” и обосновать целесообразность их применения;

2) установить компонентный состав когнитивного субстрата семантической системы языка и языкового мышления;

3) описать способы, которыми когнитивный субстрат определяет особенности языкового мышления и воздействует на него;

4) выяснить, как внутренняя форма единиц языка обуславливает характер моделирования действительности языковыми средствами;

5) установить сущность лакун, обнаруживаемых в семантической системе языка, и выяснить их связь с когнитивным субстратом этой системы;

б) описать ряд основных когнитивных паттернов, которые входят в когнитивный субстрат семантической системы английского языка, взято-го как образец, в сравнении с другими языками;

7) охарактеризовать роль культурных скриптов в осуществлении языкового мышления;

8) показать, как специфика грамматического строя языка определяет стратегии языкового мышления.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем:

- уточнен и объяснен характер соотношения мыслемоформирующей, коммуникативной и моделирующей функций языка;
- описаны способы выполнения языком кумулятивной функции;
- выявлено соотношение внутренней формы означаемого и внутренней формы означающего в языковом знаке;
- приведено определение, истолкование и теоретическое обоснование понятия “когнитивный субстрат семантической системы языка и языкового мышления”;
- выявлена сущность лакун, обнаруживаемых в семантической системе языка, и выяснена их связь с ее когнитивным субстратом;
- выявлена и описана онтологическая природа когнитивного субстрата семантической системы языка и языкового мышления;
- описаны способы, которыми когнитивный субстрат определяет особенности языкового мышления и воздействует на него;
- показано, как грамматический строй языка обуславливает стратегии формирования и формулирования мысли в рамках языкового мышления.

В качестве **теоретико-методологической базы** проведенного исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых в следующих областях:

когнитивная лингвистика (И.В. Андреева, Ю.Д. Апресян, А.А. Безингер, Н.Н. Болдырев, Л.М. Босова, Б.И. Кононенко, Е.С. Кубрякова, А.И. Новиков, З.Д. Попова, А. Вежбицкая, С. Goddard и др.);

лингвистическая семантика (Л.Г. Бабенко, М.М. Маковский, М.В. Никитин, Н.Т. Саная, О.Н. Селиверстова, Дж. Лайонз и др.);

ситуационная семантика, или теория фреймов и сценариев (Г.С. Поспелов, М. Минский, Дж. Лакофф, Ч.Дж. Филлмор, У.Л. Чейф и др.);

концепция связи языка, мышления и культуры (С.Г. Тер-Минасова, В.В. Ощепкова, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, Ю.М. Малинович, С.М. Треблер и др.);

этнолингвистика и теория картины мира (И.В. Андреева, О.Е. Баксанский, Л.М. Босова, Г.Д. Гачев, Анна А. Зализняк, Г.В. Колшанский, Б.И. Кононенко, Ю.В. Чернавская, Е.Н. Шурыгина, А.Е. Щербинина, D. Chandler, S. Hampshire и др.);

теоретическая грамматика английского языка (А.И. Бочкарев, А.И. Смирницкий, O. Jespersen, N. McCawley, M. Deutschbein, G. Nunberg и др.);

генеративная лингвистика (И.А. Мельчук, С.К. Шаумян, Н. Хомский, J.J. Katz, J.A. Fodor, J.S. Gruber и др.);

философия познания и лингвофилософия (В. Гумбольдт, И. Кант, У. Оккам, Г.А. Брутян, А.Ф. Лосев, А.Н. Чанышев, Г. Гегель, К. Поппер, Б. Спиноза и др.);

общая семиотика, семиотика культуры и лингвoseмиотика (Ч.С. Пирс, Ф. де Соссюр, Ч.У. Моррис, Ю.М. Лотман, Р. Барт, Л. Ельмслев, В.И. Карасик и др.);

психология речи и психолингвистика (Е.Ю. Артемьева, Л.С. Выготский, И.Н. Горелов, Н.И. Жинкин, А.А. Залевская, С.Л. Рубинштейн и др.).

В качестве **материала** исследования послужили: корпус английских слов знаменательных частей речи общим объемом около 3500 единиц, собранный путем целенаправленной выборки из ряда общих, отраслевых и специальных лексических словарей английского языка; корпус английских фразеологизмов и фразеоматизмов общим объемом около 1200 единиц, собранный путем целенаправленной выборки из ряда словарей английских идиом; корпус текстовых примеров речевого употребления английских языковых единиц общим объемом около 450, почерпнутых в основном из справочных интернет-ресурсов. Наряду с английским языковым материалом нами привлекались примеры из русского, латинского, древнегреческого и других языков общим объемом около 550 языковых единиц.

В порядке пояснения выбора материала для исследования, проведенного в русле общей и когнитивной лингвистики, отметим глобальное значение английского языка, из которого мы почерпнули базовый корпус единиц для анализа. Как известно, в наши дни английский – основной язык международного общения и обмена научно-техническими достижениями в мировом масштабе, крупнейший источник лексических заимствований, причем не только в сфере науки, но и в ряде других областей цивилизации и культуры. Это дает основание говорить о «лингвистической интервенции», которая проявляется в активном внедрении – путем глобальной экспансии английского языка – системы ценностей, идеологии и морали англосаксов в массовое сознание жителей всех стран. Несмотря на наличие противоположной тенденции – стремления к многополярности мира – англосфера в значительной мере определяет облик современного и в некоторой степени – грядущего мира.

Хорошо это или плохо, но фактом является то, что ряд особенностей английского языка ныне в той или иной мере влияет на мышление многих народов. В частности, отсутствие грамматической категории рода у английского существительного повлияло на мышление англосаксов и немало способствовало тому, что именно в англосфере возникла идея стирания гендерных различий в социальных, культурных и психологических аспектах – идея, насаждаемая во всем мире, но, к счастью, слабо приживающаяся на почве русской лингвокультуры. В числе прочих причин это-

му препятствует флективность русского языка, не допускающая устранения рода из грамматики, а значит, и из языкового мышления. Эта межъязыковая параллель наглядно демонстрирует зависимость мышления и отражения мира от типа языка – то, что входит в предмет наших изысканий.

В ходе исследования применялись следующие **методы и методики**: компонентный анализ лексических значений; анализ словарных дефиниций; этимологический анализ; межъязыковое сопоставление; элементы полевых анализа; сопоставление значений и внутренних форм языковых единиц; восстановление виртуальных единиц языка путем построения матриц лексических полей. В ходе исследования осуществлялись полевый, фреймовый и комбинаторный подходы к языковому материалу.

При работе над темой был задан индуктивно-эмпирический вектор исследования (сбор фактического материала, его систематизация, обобщающие выводы), но это не исключало периодического обращения к гипотетико-дедуктивному вектору (выдвижению предположений и их верификации). В этой связи была выдвинута **гипотеза** нашего исследования: свойственная современной цивилизации рационалистическая картина мира, зафиксированная в семантике единиц и форм естественного языка, возникла на базе комплекса коллективных сенсорных представлений о действительности, запечатленных во внутренней форме естественного языка, и по сей день основывается на них. Особенности упомянутых представлений обусловлены спецификой человеческих органов чувств, что в конечном счете не мешает людям верно отражать окружающий мир.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что выдвинутые в ней положения могут способствовать дальнейшему продвижению в решении таких проблем, как соотношение языка и мышления, связь менталитета народа и этнического языка, сосуществование и взаимодействие сциентизированного и «наивного» языкового сознания, сущность лакун и их влияние на характер отражения реальности в языке, роль грамматики в реализации стратегий языкового мышления.

Практическая ценность результатов исследования заключается в том, что собранные материалы и сделанные выводы могут получить применение при разработке лекционных курсов общего языкознания, лексикологии, теории межкультурной коммуникации, теоретической грамматики, сравнительной типологии английского и русского языков, спецкурсов и спецсеминаров по когнитивной лингвистике, генеративной лингвистике, психолингвистике, фразеологии. На базе диссертации может быть создано учебное пособие к спецкурсу по соотношению мышления, лингвокультуры и языка. Кроме того, упомянутые материалы и выводы могут использоваться при руководстве подготовкой курсовых и выпускных квалификационных работ, докладов и рефератов в рамках научно-исследовательской работы студентов.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Мыслеформирующая, моделирующая и кумулятивная функции языка наряду с коммуникативной функцией выступают как ведущие, а не второстепенные. Существует ментальное пространство языка, в котором мысль создается и кодируется субъектом, затем объективируется и в виде высказывания транслируется другому субъекту, а тот, в свою очередь, декодирует высказывание. Таким образом, выполнение коммуникативной функции – лишь срединная стадия речевой деятельности. Чтобы передать мысль, нужно сначала сформировать ее посредством языка.

2. Кумулятивная функция выполняется не языком как таковым, а лингвокультурой; культура наполняет содержанием единицы и формы языка. Названная функция реализуется: (а) в пословицах; (б) во фразеологизмах; (в) в значениях слов, усваиваемых новыми поколениями в онтогенезе речи; (г) во внутренней форме языковых единиц, понимание которой передается в поколениях путем культурного наследования; (д) в семантических структурах слов; (е) в моделях их сочетаемости; (ж) в структурах семантических полей, членящих мир этноспецифическим способом.

3. Когнитивный субстрат языкового мышления – это совокупность выработанных в ходе культурного развития народа, устоявшихся в общественной практике (кодифицированных), закрепленных в исторической семантике языка коллективных представлений о действительности, а также познавательных установок, лежащих в основе языковой картины мира, служащих культурными кодами в процессе общения и в той или иной мере обуславливающих поведение носителей лингвокультуры в общенародном и индивидуальном масштабе. К этому субстрату относятся не только пребывающие в рамках здравого смысла представления о причинно-следственных и иных связях между явлениями, но и мифологические представления о мире, и поверья, и синестезические ассоциации, и генетически наследуемая информация.

4. В когнитивном субстрате современного языкового мышления проявляется преемственность и структурный параллелизм мышления предметно-практического и абстрактно-теоретического. Абстрактное мышление неотделимо от своей сенсорной основы; образность, содержащаяся во внутренней форме единиц языка, влияет на формирование абстрактных понятий и таким способом участвует в моделировании действительности языковыми средствами. Когнитивный субстрат – фундамент семантической системы языка – «не отпускает» от себя абстрактное мышление, не дает ему полностью оторваться от своих истоков – предметно-наглядного мышления, обусловленного природными и культурно-историческими факторами. Это определяет специфику моделирования мира средствами языка.

5. Проблематика картины мира и когнитивного субстрата связана с проблематикой лакун. Картина мира может быть представлена как координатная сетка, наброшенная на мир и членящая мир определенным спо-

собом. Под научной картиной мира лежит обыденная, влияющая на формирование научной и исполняющая роль когнитивного субстрата. Обе они зафиксированы в языке. В лингвистическом аспекте они предстают как семантическая система языка и внутренняя форма языка. Как в верхней, так и в нижней сетках имеются незаполненные ячейки – лакуны. Между лакунами в семантической системе языка (современными) и лакунами во внутренней форме языка (реликтовыми) имеют место три типа соответствий – сукцессия (преемственность), элиминация (устранение), эмерджентия (появление).

6. Когнитивный субстрат семантической системы языка обладает мощным креативным потенциалом и продолжает порождать новые значения. Семантическая система языка является моделирующей системой; в качестве объектной области моделирования выступает весь мир, и не только реальный, но и возможные, и даже невозможные миры. В пустующих ячейках сетки (лакунах) угадываются виртуальные реалии; угадывание осуществляется с помощью координатной сетки.

7. Когнитивный субстрат языкового мышления распадается на отдельные участки – когнитивные паттерны (модели фрагментов мира, схемы презентации внеязыковых объектов, лежащие в основе их осмысления). В языковом мышлении особую роль играют группы когнитивных паттернов: (1) “Пространство (верх – низ, близость – дальность, передний – задний план, правая – левая сторона)”; (2) “Движение (вверх – вниз, вперед – назад, поступательное – возвратное, быстрое – медленное)”; (3) “Физические параметры предметов (тяжесть – легкость, плотность – рыхлость, сила – слабость, чистота – грязь)”; (4) “Конфигурация предметов (острота – тупость, угловатость – округлость, прямизна – кривизна)”; (5) “Перцепция (видение, слышание, осязание, обоняние, вкусовые ощущения, боль)”. Каждый когнитивный паттерн моделирует определенную совокупность тематических областей.

8. Темпоральные категории (время, вечность, мгновение) в лингвокультуре моделируются с помощью пространственных и двигательных когнитивных паттернов ввиду того, что время и пространство имеют общие свойства – протяженность, бесконечность, континуальность (которая поддается условной дискретизации). Течение времени репрезентируется как движение по прямой линии (в циклической модели времени это сферическая прямая, а в стреловидной модели времени – Евклидова прямая). Представления о прогрессе и регрессе связаны со стрелой времени, а представления о стагнации – с кольцом времени. Презентация времени в виде спирали совмещает в себе циклическую и стреловидную модели. Изменения, происходящие в мире, и вызванный ими ход времени ассоциируются с движением, беспокойством и жизнью, а неизменность и неподражаемая ею вечность (отсутствие хода времени) ассоциируются с неподвижностью, покоем и смертью.

9. Грамматический строй языка далеко не в столь большой степени обусловлен особенностями менталитета народа, как это утверждается в ряде трудов по когнитологии. В частности, в английском языке преобладание личной формы подлежащего с существительным в общем падеже и фиксированность порядка слов не свидетельствуют о стройности мышления, активности и инициативности англосаксов, а в русском языке обилие безличных морфосинтаксических конструкций и вариативность порядка слов не говорят о фатализме, пассивности и безынициативности как чертах русской ментальности. Упомянутые грамматические различия не определяются национальным характером.

10. Особенности грамматической структуры языка гораздо больше обусловлены его структурно-типологическими свойствами, нежели национальным менталитетом и другими экстралингвистическими факторами. Это связано с тем, что грамматика имеет свои внутренние структурные закономерности, в значительной мере автономные от этнокультуры. Специфика языкового мышления состоит не столько в том, что в грамматику языка заложен менталитет народа, сколько в том, какими стратегиями пользуется языковое мышление для выражения универсальных грамматических значений, исходя из возможностей грамматики этноязыка.

Апробация работы. Основные результаты проведенного исследования излагались в докладах и выступлениях в рамках ряда международных, всероссийских и региональных научно-практических конференций в гг. Москве (сент. 2014, окт. 2014, дек. 2014, сент. 2020), Тяньцзине, Китай (нояб. 2018, окт. 2020), Самаре (дек. 2010, май 2022), Екатеринбурге (дек. 2014), Чебоксарах (сент. 2020), Смоленске (март 2020), Орле (окт. 2018, окт. 2022), Саратове (окт. 2020), Уфе (дек. 2020), Воронеже (февр. 2021), Перми (апр. 2022), проводившихся на базе НИЦ МИСИ, ПГСГА, СГСПУ, ВГСПУ, НАУ, ТУИЯ, НОУ ДПО ЭМЦ, СГУ, СНИУ, ОГУ, ВГУ, ПНИУ.

По теме исследования опубликовано 57 работ, в том числе монография, учебное пособие и 55 статей, из них 16 – в ведущих рецензируемых научных изданиях, входящих в перечень ВАК Минобрнауки РФ. Общий объем публикаций составляет 62 п.л.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы на русском и иностранных языках.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается актуальность исследования, указываются его объект и предмет, формулируются цель и задачи, раскрывается научная новизна, перечисляются методы анализа, описываются материал исследования, его теоретическая значимость и практическая ценность.

В Главе I «Основные понятия концепции когнитивного субстрата» анализируются и критически оцениваются трактовки важнейших категорий, которые входят в ядро понятийного аппарата когнитивной лингвистики, и излагается авторское понимание категорий, в главных чертах определяющее выдвигаемую в работе концепцию когнитивного субстрата семантической системы языка и языкового мышления. К числу таких категорий относятся “моделирующая / коммуникативная / мыслеформирующая / кумулятивная функции естественного языка”, “картина мира”, “внутренняя форма”, “языковое мышление”, “когнитивный паттерн”, “культурный скрипт”. В Главе I проводится анализ этих категорий в свете поставленных в диссертации задач.

В § 1 «Соотношение коммуникативной, мыслеформирующей и моделирующей функций в функциональном спектре языка» отмечено, что функции моделирования действительности и формирования мысли не менее важны, чем коммуникативная функция языка. Выполнение коммуникативной функции представляет собой существенный, но не безусловно доминирующий признак естественного языка.

Отмечено, что субъект сначала мысленно моделирует действительность, формируя и формулируя свое представление о ней посредством естественного языка, и впоследствии передает их другому субъекту в языковой форме, а тот воспринимает и осмысливает полученную информацию, производя изменения в своем когнитивном мире. Таким образом, передача мыслей (общение) – это лишь срединная стадия речевой деятельности, протекающей в координатах пространства языка.

Кроме того, в этом разделе показано, что язык с определенных позиций целесообразно рассматривать не как средство, а как знаковое пространство, в котором протекают формирование и формулирование мысли, моделирование и осмысление действительности, накопление знаний о мире и другие процессы, в том числе вербальная коммуникация.

В § 2 «Проблема кумулятивной функции языка» рассмотрен вопрос о том, какими средствами кумулятивная функция реализуется в системе языка.

Во-первых, она прямо реализуется в пословицах. В них зафиксирован жизненный опыт народа, передаваемый в поколениях. Например, в семантике английской пословицы *Hoist sail while the wind is fair* (букв. ‘Ставь парус, пока ветер попутный’) содержится житейская рекомендация использовать благоприятные условия, пока они существуют. Эта рекомендация выражена с помощью этноспецифичного образа: англичане – нация мореходов. Такого рода предписания и советы входят в копилку народного опыта и служат носителям английской лингвокультуры «путеводной нитью» по жизни.

Во-вторых, отношение к явлениям окружающего мира опосредованно выражено во фразеологизмах. Они тоже хранят и транслируют народ-

ную мудрость, хотя житейская рекомендация в них не дается прямо. Например, проанализировав ситуацию, содержащуюся в семантике английского фразеологизма *to set the cat to watch the goldfish bowl* (букв. ‘поручить кошке стеречь аквариум’), и спрогнозировав ее вероятный исход, реципиент самостоятельно делает вывод, что опрометчиво было бы доверять ценность ее потенциальному потребителю, к тому же вороватому по натуре.

В-третьих, семантические единицы, выработанные языковым коллективом в ходе развития этнокультуры, закреплены в значениях слов и усваиваются новыми поколениями в онтогенезе речи вместе с оценками их денотатов. Так, англосаксы в онтогенезе речи усваивают слова *jealous* ‘ревнивый’ и *jealousy* ‘ревность’ в единстве денотативно-сигнификативного и эмотивно-оценочного компонентов их значений, осмысливают и интериоризуют обозначаемое ими культурное явление и в дальнейшем относятся к ревности так, как предписывает английская культура через английский язык – в отличие от тех народов, в культурах которых отсутствует ревность, а в языках – ее словесное обозначение.

В-четвертых, сущность объекта номинации отражается и во внутренней форме языковых единиц, и ее понимание передается следующим поколениям путем культурного наследования. Например, во внутренней форме английского слова *self-consciousness* ‘застенчивость’ (букв. ‘осознание себя’) отражается коллективное житейско-психологическое представление о застенчивости как о результате излишней саморефлексии.

В-пятых, специфику значения слова можно устанавливать, учитывая его связи со значениями членов словообразовательного гнезда. Так, английское существительное *meaning* является однокоренным с глаголом *to mean* ‘намереваться; иметь в виду’. Данная смысловая связь характерна именно для английского языка. Есть мнение, что Дж. Серль и Г.П. Грайс создали свою концепцию интенциональной природы значения, исходя из этой особенности семантической структуры английского слова *meaning*.

В-шестых, связь понятий прослеживается в семантических структурах (комплексах лексических значений) английских слов. Например, глагол *to challenge* имеет такие значения, как ‘бросать вызов’, ‘окликать’, ‘соревноваться’, ‘оспаривать’, ‘анализировать’, ‘критиковать’, ‘провоцировать’, ‘спрашивать пропуск или пароль’, ‘сомневаться’. Носители английского языка усматривают столь тесную связь между этими лексическими понятиями, что они объединили их в семантике одной лексемы, в то время как, например, носителям русского языка просто не приходит в голову проводить смысловые параллели между такими понятиями, как ‘окликать’ и ‘сомневаться’, ‘бросать вызов’ и ‘отрицать’ и т.п., поскольку в русском языке они передаются разными лексемами, которые даже не входят в одно и то же лексическое поле. Налицо различие в структурировании и категоризации мира у разных народов. Названное различие зафиксировано в их языках, передается следующим поколениям и усваивается в онтогенезе речи.

В-седьмых, ментальная модель объекта номинации в целом ряде случаев имплицитно содержится в спектре сочетаемости слов. В качестве иллюстрации можно привести английские словосочетания с существительным *hope*: *give hope, get hope, cherish hope, nurture hope, lose hope, leave / abandon / give up / defer hope, retrieve hope, be full of hope, hold on / cling to the hope, gleam / ray of hope, be faithful to one's hope, betray hope, blight / dash hope, true hope, false hope, sweet hope, forlorn / deserted hope, bright / white hope, faint / strong hope, feeble / firm hope, small / great hope*. Как следует из приведенных примеров, лексема *hope* представлена как нечто светлое, яркое, лучезарное; ценное; вещественное; нечто такое, что можно дать, обрести, хранить, удерживать, лелеять и возвращать; можно потерять или намеренно отринуть, вновь обрести, разрушить, восстановить; то, что может изменяться по силе и крепости; может быть настоящим или фальшивым. Из этих словосочетаний складывается образ, который, на наш взгляд, ближе всего к представлению о сокровище. Тем самым подчеркивается высокая экзистенциальная ценность надежды и ее сугубо положительная оценка в английской лингвокультуре. В такой форме спектр сочетаемости слова содержит в себе модель объекта номинации в коллективном языковом сознании.

В-восьмых, в каждом этническом языке заложена «сетка», набрасываемая на мир семантической системой этого языка; это членение мира усваивается в онтогенезе речи каждым следующим поколением носителей языка. Так, например, сутки в английской лингвокультуре подразделяются на следующие части: *morning* (с полуночи до полудня) – *afternoon* (с полудня примерно до 18 часов) – *evening* (приблизительно с 18 до полуночи). На эту триаду сверху накладывается диада *day* (светлое время суток) – *night* (темное время суток). Эта двухъярусная семантическая «сетка» не совпадает с русской одноярусной: *утро* (с рассвета примерно до 11 часов) – *день* (примерно с 11 часов до заката) – *вечер* (с заката приблизительно до 23 часов) – *ночь* (примерно с 23 часов до рассвета). Из этого несовпадения проистекает неполнота межъязыковой эквивалентности перечисленных названий.

В § 3 «Научная и “наивная” картины мира в языке» критически рассмотрены и охарактеризованы некоторые концепции разновидностей картин мира. Отмечено, что различия в подходах и методологических установках обусловили некоторую несогласованность в понимании ряда терминов.

В этом разделе показано, что языковая картина мира обычно вычленяется как отдельная категория в ее противопоставлении когнитивной (понятийной, концептуальной, научной) картине мира. Против этой антитезы в нашей работе выдвигаются определенные возражения.

В данном разделе отмечено, что, во-первых, всякая картина мира может носить наименование когнитивной, поскольку все картины мира являются результатом познания и аккумулируют в себе знания о мире, а во-

вторых, любая картина мира может носить наименование языковой – ведь все они существуют в языковой форме – но научная картина мира зафиксирована в терминосистемах, а наивная – в общеупотребительной лексике и фразеологии. Например, болезнь, в русском обыденном языке именуемая *свинкой*, в английском обыденном языке носит название *mumps*, имеющее значение ‘an illness that children get which makes the throat and neck swell’ (детская болезнь, вызывающая распухание горла и шеи) и внутреннюю форму “grimace” (*mumps* от глагола *to mump* ‘кривиться’). Как в значении, так и во внутренней форме слова *mumps* отражено впечатление от внешних симптомов болезни, то есть обыденное, житейское представление о нем. В медицинской терминологии оно носит название *parotum/ parotitis*, означающее ‘inflammation of salivary glands located on either side of the face under the ears’ (воспаление слюнных желез по обеим сторонам лица под ушами) и имеющее внутреннюю форму *para-* *лат.* ‘около’, *-ot-* ‘ухо’, *-itis* ‘воспаление’.

Если проводить антитезу по единому логическому основанию, то научная картина мира, выстроенная из логических понятий и зафиксированная языком терминов, должна быть противопоставлена не языковой, а наивной картине мира, выстроенной из обыденных понятий и зафиксированной языком общего употребления. Если всё же при этом употреблять устоявшийся в научном обиходе термин *языковая картина мира*, то его нужно осмысливать с учетом сказанного и давать ему соответствующую дефиницию.

В § 4 «Семантическая система языка и проблема лакун» приведено определение понятия “семантическая система языка”, дана его развернутая характеристика, описаны «пробелы» (лакуны) в данной системе, установлены виды корреляции между семантической системой языка и внутренней формой, прослежены способы связи между лакунами на уровне семантической системы языка и на уровне ее когнитивного субстрата.

Семантическая система языка обогащается и перестраивается по мере прогресса познания и культурного развития этноса. То, что было семантической системой языка на предшествующих этапах, со временем уходит в его внутреннюю форму. Она нередко забывается языковым коллективом, однако этимологические изыскания во многих случаях позволяют восстановить ее и выявлять диахроническую связь между современной и более ранними семантическими системами.

Между современной семантической системой английского языка и ее предшественницей, которая в настоящее время служит ее внутренней формой (живой либо утраченной, но иногда реконструируемой) и ее когнитивным субстратом, существуют довольно сложные отношения исторической преемственности: это и указание на предмет через его бытийный признак (e.g. *tree* от *индоевр.* **drew-* ‘крепкий, устойчивый’), и метафорический перенос (*pike* ‘пика’ → ‘щука’), и метонимический пере-

нос (e.g. barbecue ‘жаровня’ → ‘жаркое’ → ‘пикник’), и расширение значения (e.g. bull ‘бык’ → ‘самец некоторых видов копытных животных’), и сужение значения (e.g. meat ‘пища’ → ‘мясо’), и другие линии семантического развития.

Как в современной, так и в более ранних картинах мира, есть «белые пятна», обусловленные неполнотой охвата окружающей действительности познающим коллективным сознанием. Соответственно, и в современной, и в предыдущей семантической системе языка, ныне выступающей в функции внутренней формы, обнаруживаются пробелы (лакуны). Между старыми и новыми лакунами существуют отношения трех видов: сукцессия (старой лакуне соответствует новая), элиминация (старой лакуне не соответствует новая), эмерджентия (новой лакуне не соответствует старая).

В § 5 «Онтологические категории, важные для выявления сущности лакун» дано толкование ряду понятий из области онтологии – “бытие”, “небытие”, “инобытие”, “ничто”, “ничто”, “присутствие”, “отсутствие”, “становление” и др. Приводятся аргументы в пользу того, что лакуну нельзя трактовать как ничто: ведь понятие “ничто” предполагает несуществование всего, в том числе лакун. Выявляется нетождественность понятий “ничто” и “небытие”. Показывается, что лакуна есть не просто небытие языковой единицы или формы, а ее небытие в том локусе, в котором ей полагается быть, который специально для нее предназначен и содержит единицу или форму виртуально. Лакунарная единица или форма представляет собой не внесистемный, а виртуально-системный элемент языка, присущий этому языку, а не чужеродный ему.

Уточнение содержания и объема перечисленных категорий способствует более глубокому проникновению в сущность феномена лакун.

В § 6 «Философское и лингвистическое понимание внутренней формы» рассмотрен ряд вопросов: что именно (содержание? выражение? знак? язык?) обладает внутренней формой; как внутренняя форма соотносится с внешней формой; как внутренняя форма соотносится с субстанцией; как внутренняя форма соотносится со значением языковой единицы; как внутренняя форма содержания (структура значения языковой единицы) соотносится с внутренней формой языковой единицы; в чем состоит смысл существования внутренней формы и чему она служит в процессах языкового мышления и общения.

Проанализировано соотношение между внутренней формой содержания и внутренней формой языкового знака. Отмечено, что ряд лингвистов отождествляет эти две формы, придерживаясь мнения, согласно которому внутренняя форма языковой единицы является структурой ее содержания. В § 6 показано, что это не одно и то же. Здесь же отмечено, что внутренняя форма языковой единицы моделирует внутреннюю форму содержания, являясь ее субструктурой. Внутренняя форма содержания представляет собой отражение фрагмента действительности в человеческом созна-

нии, а внутренняя форма языковой единицы есть отражение ее плана содержания в ее плане выражения.

В этом разделе показано, что наука, продвигаясь к истине, заменяет традиционные представления о мире всё более новыми, более достоверными. Познание прошло путь от явления к сущности. Обыденное и научное представления в данном случае скоординированы. Но порой они противоречат друг другу. Так, научное представление о бабочках как о стадии жизни чешуекрылых насекомых не согласуется с закрепленным во внутренней форме английского слова *butterfly* старинным представлением о бабочках как о душах ведьм.

В § 7 «Внутренняя форма языковой единицы как мотиватор ее значения» доказывается, что внутреннюю форму языковой единицы не следует изучать изолированно, в отрыве от реального значения языковой единицы или ее семантического варианта. Внутренняя форма языковой единицы – зафиксированный во внешней (фонетической) форме семантический пласт, относящийся к плану выражения и выполняющий функцию мотивировки значения, причем не любого, а конкретного, отдельного значения. Семантические варианты одной и той же единицы языка обладают одним и тем же буквальным значением, но иногда они характеризуются наличием разных внутренних форм. Внутреннюю форму единицы языка можно выявить только тогда, когда ее буквальное значение налагается на конкретное реальное, и при этом становится видно, какие части их структур совпали и каким путем это произошло. Например, у наименования *red bug* буквальное значение ‘красный жук’ наложено на реальное значение ‘жук вида *Rugthocoris artemus*’ путем сужения значения, а у наименования *red bug* в значении ‘одна из марок автомобилей фирмы Фольксваген’ – путем метафорического переноса значения. У них одно и то же буквальное значение, но разные внутренние формы.

В одних случаях семантическая мотивировка значений обеспечивается разными аспектами (гранями) одного и того же образа, но в других случаях, когда два и более реальных значений в том или ином отношении сходны друг с другом, буквальное значение налагается на общий участок реальных значений и мотивирует их одним и тем же способом. Например, у наименования *red hat* (букв. ‘красная шапка’) два реальных значения – ‘кардинал’ и ‘штабной офицер’ – образованных одним и тем же способом синекдохического переноса. Оба указанных семантических варианта этого наименования имеют не только одно и то же буквальное значение, но и одну и ту же внутреннюю форму.

В § 7 отмечено, что система значений существует в некоторой мере автономно от системы средств ее языковой репрезентации. Автономность проявляется в существовании динамической корреляции между означаемыми и означающими, асимметричном дуализме (взаимно-многозначных отношениях) между их единицами. Одно и то же значение может переда-

ваться разными языковыми знаками, а один и тот же языковой знак может передавать разные значения.

В этом разделе приведены предлагаемые нами дефиниции основных терминов, относящихся к внутренней форме языковых единиц:

буквальное значение языковой единицы – это то ее значение, которое выводится из значений компонентов по стандартному правилу комбинирования значений;

транспонированное значение языковой единицы – это то ее значение, которое преобразовано по схеме сужения, расширения, сдвига или переноса;

реальное значение языковой единицы – это то значение, в котором данная единица употребляется в речи. Оно бывает буквальным и транспонированным;

образная основа языковой единицы – это буквальное значение такой языковой единицы, которая имеет переносное реальное значение;

внутренняя форма языковой единицы – ее буквальное значение, которое выполняет функцию мотивировки ее реального значения.

В § 8 «Понятие “языковое мышление”» отмечено, что данное понятие имплицитно подразумевает понятие “неязыковое мышление”. Показано, что возможность мышления без словесного языка рассматривается учеными в двух аспектах.

Первый ее аспект лежит в плоскости семиотики культуры. Достижения семиологов постмодернистского направления в XX веке позволили установить, что культура, анализируемая с точки зрения теории знаков, предстает как система кодов, и вербальный язык – лишь один из них. Есть и невербальные культурные коды, которые тоже служат основой мышления.

Второй аспект проблемы лежит в плоскости психолингвистики. Вопрос состоит в том, насколько словесный язык участвует в появлении, оформлении и развитии мысли.

Мышление обретает словесную форму по мере перехода от предметно-образительного кода индивида к общенародному естественному языку. Такой переход требуется, во-первых, потому, что результаты мышления должны передаваться другим людям в процессе общения, а во-вторых, потому, что словесный язык, будучи самой богатой знаковой системой, обслуживает мышление полнее и лучше, чем другие знаковые системы.

В § 9 «Когнитивный субстрат языкового мышления» прослежено историческое становление языкового мышления. В этом разделе показано, что образное и понятийное мышление объединяются друг с другом в пространстве языка и взаимодействуют, порождая концептуальное мышление, оперирующее не логическими понятиями, а лингвокультурными концептами. Как известно, концепт складывается из понятийной, образной и ценностной составляющих. По нашим представлениям, эти составляющие не рядоположены в структуре концепта. Образная составля-

ющая лингвокультурного концепта – это своего рода фундамент, на котором зиждутся остальные две. Из конкретно-наглядного образа рождаются эмотивно-оценочный ореол и абстрактное понятие. В § 9 подчеркнуто, что уже на ранних этапах рождения мысли в голове человека в дело вступает словесный язык. Показано, что мысль не просто выражается в слове; она в нем создается. Когнитивный субстрат языкового мышления определен как совокупность выработанных в ходе культурно-исторического развития народа, устоявшихся в общественной практике (кодифицированных), закрепленных в исторической семантике этнического языка коллективных представлений носителей языка о действительности, а кроме того, познавательных установок, лежащих в основе языковой картины мира, служащих культурными кодами в процессе общения и в той или иной мере обуславливающих поведение людей в общенародном и индивидуальном масштабе.

В § 10 «Когнитивные паттерны» отмечено, что когнитивный субстрат языка и языкового мышления делится на участки. В их рамках содержатся коллективные представления носителей лингвокультуры о строении отдельных фрагментов мироздания. Для обозначения этих участков использован термин *когнитивные паттерны*. Пояснено различие между паттерном и фреймом.

Паттерн принадлежит к онтологическому уровню реальности, существует объективно как фрагмент этой реальности. Это структура определенного класса объектов. Такие структуры должны представляться в научных трудах в виде различного рода описаний, обладающих разной степенью формализованности. Фреймы – это не сами когнитивные паттерны, которые объективно существуют в лингвокультуре, а их научные описания. В отличие от когнитивных паттернов, принадлежащих онтологическому уровню, фреймы относятся к ее эпистемологическому уровню. Паттерны суть культурные модели реальности, а фреймы – это научные модели паттернов.

В § 10 охарактеризованы осуществляемые нами подходы к проблеме когнитивных паттернов – полевый, фреймовый, комбинаторный – и в общих чертах продемонстрированы приемы работы с языковым материалом, основанные на этих подходах.

В разделе подчеркивается один из итогов наших наблюдений. Давно стали общепризнанными утверждения, что язык есть дух народа (В. фон Гумбольдт), что язык не является номенклатурой, он членит и категоризирует мир (Ф. де Соссюр), что язык определяет характер мышления и поведения людей (Э. Сепир, Б.Л. Уорф) и т.п. Лингвисты часто цитируют эти утверждения и начинают свои научные труды со ссылок на них. После этого некоторые из исследователей цитируют и другое утверждение – что безусловно главенствующей является коммуникативная функция языка – и далее исходят из него. Но пристальный взгляд позволяет убедиться, что это последнее утверждение, в сущности, противоречит всем пред-

будущим – ведь оно имеет пресуппозицию, согласно которой человеческое мышление, категоризация мира и дух народа существуют сами по себе, а словесный язык служит в основном лишь для того, чтобы люди могли передавать всё это друг другу. Тем самым затушевываются и отодвигаются на задний план такие важнейшие функции языка, как функция моделирования действительности и функция формирования мысли.

Коммуникативная функция языка была исторически первичной (язык возник на основе потребности древнейших людей в координации совместной деятельности), однако в дальнейшем моделирующая и мыслеформирующая функции вырвались вперед; с помощью языка отражается мир и формируется мысль, и лишь затем с помощью того же языка результаты этой духовной деятельности объективируются в звуковой / графической форме и транслируются другим людям. Это теоретическое положение получило обоснование в первой главе нашей работы; на него мы опираемся в последующих главах диссертации.

Сформулируем еще один важный вывод из всего сказанного в этой главе. В рамках структуралистского и генеративистского подходов естественный язык репрезентирован как аналог искусственных формализованных знаковых систем и выглядит как мертвая схема. Это в определенной мере конструктивный подход, нужный для решения ряда лингвистических задач. Образно говоря, это своего рода «рентгеновский снимок», на котором виден скелет. Но на нем не видна плоть. Это не более чем тонкий срез многомерного пространства языка. Кибернетическая модель языка (термин Ю.Д. Апресяна) не является его всеобъемлющим описанием. Значение каждой его единицы – это не абстракция, которая исчерпывается процедурой компонентного анализа и втиснута в словарную дефиницию.

Язык аккумулирует в себе не только результаты рационального познания мира, но и духовный опыт народа. Из поколения в поколение передается не только логическая схема, но и трепетный дух. В этом, а не только в хранении объективных знаний о мире, состоит кумулятивная функция языка.

На основании теоретических положений, выдвинутых в Главе I, в Главе II рассматривается ряд глубинных пластов когнитивного субстрата языка и языкового мышления.

В Главе II «Сенсорная основа абстрактного языкового мышления» рассматривается вопрос о том, какими способами во внутренней форме единиц английского языка отражается связь ощущений и абстрактных понятий через посредство единиц восприятия – когнитивных паттернов. Тем самым раскрывается характер видения мира и его моделирования носителем английской лингвокультуры. Путем анализа исторических напластований языковой семантики характеризуются самые значимые когнитивные паттерны, с помощью которых англосаксы моделируют мир и осуществляют абстрактное языковое мышление. В главе охарактеризованы приемы и формы моделирования фрагментов мира в рамках английской лингвокультуры.

туры, выявлены некоторые пути перехода от чувственных образов к перцептивным представлениям и от них – к абстрактным понятиям.

В § 1 «Когнитивный паттерн “Пространство”» отмечено, что эволюция даровала людям врожденную способность ориентироваться в окружающем их физическом пространстве и, манипулируя материальными объектами в этом пространстве, на базе упомянутой способности реализовывать предметное мышление. Пространство вмонтировано природой в когнитивный мир людей, служа основой для сенсорных представлений о действительности, поскольку всё, что существует вокруг человека и происходит с ним самим, совершается в физическом пространстве. Люди никак не могут примириться с потерей наглядности, хотя и понимают, что в ряде случаев о наглядности не может быть и речи.

Природа человека и обусловленные ею особенности форм отражения реальности не могут быть устранены из познания мира. Так, следует учитывать, что люди воспринимают физическое пространство, пользуясь таким зрительным анализатором, который присущ приматам. Специфика приматского восприятия мира в значительной мере обуславливает важнейшие характеристики человеческой картины мира.

Физическое пространство и всё, что находится в нем, видится человеку именно таким, а не иным потому, что в ходе эволюции человек унаследовал приматское зрение. Тысячелетиями человек принимал эту визуальную картину за реальное положение дел, и ученым пришлось существованию откорректировать ее, чтобы сделать ее более адекватной объективному миру.

Спациальные категории являются предельно общими фундаментальными понятиями при моделировании действительности и общении. В рамках семиотики культуры этот язык именуется универсальным культурным кодом. Система спациальных понятий – важная составная часть категориального аппарата целого ряда наук, включая языкознание. В настоящее время нелегко вообразить сколько-нибудь объемную лингвистическую работу, не содержащую терминов со спациальной образной основой. В англоязычных трудах по теории языка наряду с термином *space* (пространство) применяются следующие спациальные в своей основе термины: *deep / surface structure* – *глубинная / поверхностная структура*, *adjacency / proximity / remoteness* – *смежность / близость / удаленность*, *discreteness / continuity* – *дискретность / непрерывность (пространства)*, *dimension(ality)* – *измерение / мерность (пространства)* и т.д.

С помощью данного кода моделируются такие области действительности, как структура социума, родство, внутренний мир человека, общественные и личные отношения, иерархия ценностей, уровни качества и другие градации, законы математики и т.п. Очень многое, в том числе информационные процессы, могут быть репрезентированы в виде пространства. Визуальная модель дает возможность анализировать строение ненаблюдаемых объектов в виде зримых схем и вербально выраженных веще-

ственных аналогий, а также во внутренней форме терминов и терминоподобных наименований, заключающей в себе метафорический или метонимический образ.

В § 2 «Участки когнитивного паттерна “Пространство”» описаны когнитивные возможности таких спатальных категорий, как (а) верх – низ, (б) близость – дальность, (в) правая – левая сторона.

Прежде всего рассмотрено отношение “верх – низ”. Отмечено, что оно было витальным для животных предков человека. Преимущество расположения сверху зафиксировано в наследственной памяти. В этом разделе показано, что отношение верха и низа внедрено в семантическую систему английского языка. В частности, образами верха и низа моделируются взаимоотношения людей:

• *to hold one's head high* “держаться гордо и уверенно” – *to bend one's head / bow before smb.* “проявлять покорность, демонстрировать подчиненность кому-л.”;

• *to look down at smb.* “относиться к кому-л. высокомерно” – *to look up at smb.* “относиться к кому-л. с почтением”.

Отношение верха и низа настолько естественно для языкового мышления, что во многих случаях бывает весьма затруднительно выразить мысль, не прибегая к пространственным представлениям:

• *superior* ‘превосходящий, высший, вышестоящий’ – *inferior* ‘нижестоящий, подчиненный, уступающий по какому-либо качеству’;

• *high / low quality, reputation, spirits, morals, society, opinion* – ‘высокое / низкое качество, репутация, настроение, мораль, мнение’;

• *on the top of happiness* ‘на вершине блаженства’ – *at the bottom of despair* ‘в бездне отчаяния’ и др.).

С помощью понятий, связанных с вертикалью, моделируются различные сферы бытия, в первую очередь социальная стратификация общества. Социум мыслится как пространство, в котором каждый субъект занимает свое место. Отсюда презентация общественного устройства как пирамиды или лестницы.

Движение вверх и вниз по уровням социальной иерархии отражено в таких английских языковых единицах, как *the social lift* (< германск. *lüften ‘взмыть в небо’), *to climb / to fall from the social / corporate ladder, the social / administrative upgrade / downgrade, the higher the rise, the harder the fall, A haughty spirit goeth before a fall* (*haughty* < франц. *haut* ‘высокий’).

Отношение “близость – дальность” лежит в основе таких смысловых антитез, как градация и сходство / различие. Идея близкого расстояния лежит в основе представления о большом сходстве явлений; соответственно, далекое расстояние ассоциируется с малым сходством. Чем больше у объектов общих признаков, тем они представляются ближе друг к другу в пространстве; и наоборот, чем меньше общих признаков, тем дальше они кажутся друг от друга.

Прежде всего сказанное касается степеней родства. В английском языке есть пара названий *close relatives* – *distant relatives*, в которых спатальная образная основа столь глубоко укоренена, что выразить эти понятия другим способом, с помощью языковых средств с непространственной образной основой, весьма затруднительно. В английских переводах Нового Завета люди в их отношении друг к другу именуются *neighbors* ‘ближние’ от древнеангл. *neah-gebur* (< *neah* ‘близко’, *gebur* ‘проживающий’).

Большое сходство называют близким (*close / near resemblance*), а малое – отдаленным (*far / distant resemblance*). Как видим, идея сходства / различия передается через представление о расстоянии. Этот фрагмент когнитивного паттерна “Пространство” – тоже сильный архетип, укоренившийся в английском языковом сознании.

К числу горизонтальных спатальных отношений относится и отношение “передний план – задний план”. То, что располагается на переднем плане, воспринимается как парадное, официальное, представительное, прогрессивное, лицевое и т.п.: *obverse* (< *lat. ob-vertēre* ‘вернуться лицом, передом’) ‘парадный, представительный’, *frontal* (< *lat. frons* ‘перёд’) ‘представленный лицевой стороной, фронтальный’, *on the forestage* (букв. ‘на авансцене’) ‘на виду у всех, в фокусе общего внимания’, *vanguard* ‘передовой’ (< *старофранц. avant-garde* ‘передовой отряд’), *at the frontline* (of science etc) ‘на передовых рубежах (науки и т.п.)’, *facial* (< *lat. facies* ‘лицо’) ‘лицевой, парадный’.

Соответственно, всё то, что располагается позади, на обороте, на заднем плане, видится как нечто неприглядное, отсталое, низкокачественное: *backside* ‘оборотная сторона явления’, *the hindmost* ‘не преуспевшие в жизни’, *backyard* ‘неприглядное и скрываемое’, *rear* ‘отсталый, отстающий’, *back / backward* ‘отсталый’, *reverse* ‘изнанка, обратная сторона (явления)’, *backstreet* ‘неказистый’. Такого рода символика связана с естественным стремлением людей «показать товар лицом», выставить на авансцену то, что выглядит эффектно, импозантно, и скрыть то, что смотрится невыигрышно, непрезентабельно.

В этом же разделе рассмотрено отношение “правая – левая сторона”. Правая сторона окружающего пространства представляется более освоенной, более безопасной, чем левая. Эта оценочная асимметрия отражена в английской семантической системе. Правая сторона ассоциируется с позитивными гранями жизни, а левая – с негативными. Это проистекает из представления о том, что правая рука и правая сторона – это нечто удобное, подходящее, надлежащее. Прилагательное *left* восходит к древнеанглийскому *lyft* ‘слабый’; от представления о более слабой руке произошло значение “расположенный слева”. Дальнейшие значения прилагательного *left* не столь многочисленны, как у слова *right*: это значения ‘кривой’, ‘неправильный’, ‘незаконный’. Все они характеризуются негативной оценочностью. Это тоже сильный когнитивный архетип, который отражен в семантической системе английского языка.

В § 3 «Презентация времени с помощью пространственных категорий» отмечено, что в спатальных терминах описывается и время. Люди ощущают ход времени по косвенным приметам – изменениям, происходящим в окружающем мире, тогда как само по себе время бестелесно и ненаблюдаемо. Но у него имеются общие характеристики с пространством – равномерность и протяженность. Поэтому время порой удобно представлять в пространственных категориях. В этом разделе показано, что существуют три модели времени – циклическая (колесо времени), прямолинейная (стрела времени), а также комбинированная (спираль времени). Циклическая модель – самая ранняя. Она связана с низкими темпами развития общества и культуры, обусловившими идею вечного возвращения «на круги своя». Циклическая модель времени отражена в семантике английских слов:

- Слово *period* по-гречески значит ‘вращение’ (< peri- ‘круговой’, odos ‘путь’).
- Слово *week* этимологически восходит к индоевр. *weik- ‘изгиб, поворот’.
- Наименования отрезков времени *minute* ‘минута’, *second* ‘секунда’ и *third* ‘терция’ производны от названий дуг окружности: *minute* – 1/60 окружности, *second* – 1/60 минуты, *third* – 1/60 секунды (согласно древневавилонской шестидесятиричной системе счисления).

Но глобальное круговращение времени, подразумевающее, что будущее замыкается на прошлое, трудно ощутить человеку с научно-ориентированным западным образованием, которое основано на идее прогресса. Представитель западной цивилизации привычно видит прямолинейное и необратимое движение времени вперед. Циклической модели противостоит модель, представляющая время как прямую векторизованную линию, которая именуется осью или стрелой времени. С течением столетий прошлое и будущее постепенно утратили свою симметричность. В когнитивном мире людей кольцо времени стало постепенно развертываться в незамкнутую линию. Движение времени по прямой зафиксировано в семантике английских языковых единиц, которые тематически связаны с понятием прогресса. Совершенствование и развитие подаются как движение вперед, а ухудшение – как движение назад или замедление движения вперед. Прямолинейное движение временного континуума отражено в семантике языковых единиц, которые тематически связаны с понятием прогресса. Улучшение репрезентируется как движение вперед, а ухудшение – как движение назад или замедление движения вперед: *progress* < лат. pro- ‘вперед’, gradi ‘идти’ < праиндоевр. *ghredh- ‘шагать’;

regress < лат. regressus ‘возврат’ < re- ‘назад’, gradi ‘идти’;

degradation < лат. disgradi < dis- ‘обратно’, gradi ‘идти’;

retardation < лат. retardāre ‘задерживать, препятствовать’;

promotion < лат. pro- ‘вперед’, motio ‘движение’;
advance < позднелат. abante ‘вперед’.

Образы горизонтального движения иногда бывают синонимичны образам вертикального движения. Так, *лат. gradus* (< *gradus* ‘ступать’) означает (1) ‘ступень (вверх / вниз)’; (2) ‘шаг (вперед / назад)’, и прогресс / регресс могут представляться как подъем / спуск либо как движение вперед / назад.

Циклическая и поступательная модели совмещены в спирали времени. Циклы событий повторяются, но в целом время движется вперед. Примером может послужить идея спирали общественного развития.

Итак, когнитивный паттерн “Пространство” пронизывает семантическую систему языка и языкового мышления и в целом ряде случаев служит основным, а в ряде случаев даже безальтернативным средством манифестации тех или иных абстрактных понятий и идей.

Совокупность предметных областей, охватываемых этим паттерном, сведена воедино и приведена в таблице:

социальная структура	сходство и родство	значимость и оценки
градации	ПРОСТРАНСТВО	полиметрические системы
ментальность	культура	время и вечность

В § 4 «Когнитивный паттерн “Физические параметры предметов”» отмечено, что люди в процессе познания окружающей действительности выявляют не только объективные закономерности мира, но и человеческое понимание мироустройства. Люди «примеряют» мир на себя, оценивают природные и культурные реалии относительно себя. Кроме того, в данном разделе отмечено, что в процессе исторического развития народа оценка витальной значимости материальных предметов и явлений переносится на социальные, психологические, культурные явления. Это отражено в семантике языка. В частности, многие абстракции разработаны на базе аналогии с конкретно-наглядными сенсорными представлениями. Люди наблюдают вокруг себя материальные предметы, которые обладают различными параметрами. Представления о них применяются для конструирования отвлеченных понятий.

А) Представления о тяжести – легкости применяются при моделировании целого ряда явлений средствами языка; они лежат в основе таких понятий, как значимость, значительность (*weighty argument*), влияние, важность кого-либо (*heavyweight* ‘влиятельное лицо’) или чего-либо (*heavy damage*) в пространстве социальных, культурных, межличностных отношений, а кроме того, душевные состояния (*heavy sorrow*), ответственность (*heavy responsibility*), нагрузка (*heavy duty*), катастрофичность (*heavy disaster*). На схеме приведена совокупность тех предметных областей, которые моделируются представлением о тяжести – легкости:

социальная значимость	ТЯЖЕСТЬ – ЛЕГКОСТЬ	душевные состояния
нагрузка, ответственность		бедствия и невзгоды

Б) Представления о плотности – рыхлости передают личностные свойства человека (*inflexible insistency* – негибкое упорство), эпистемические состояния (*firm belief* – твердая вера), волевые качества (*tough character* – жесткий характер), интенциональные состояния (*firm resoluteness* – твердая решимость), социальные нормы (*rigid principles* – твердые принципы), интеракции (*tough competition* – жесткое соревнование).

В этом разделе перечисляются те предметные области, на которые распространяется сенсорный образ плотности – рыхлости:

личностные свойства		волевые качества	
убеждения	ПЛОТНОСТЬ – РЫХЛОСТЬ	социальные нормы	
интеракции		свойства текстов	

В) Представления о силе – слабости символизируют душевные состояния: эмоциональные (*mighty indignation*), эпистемические (*strong knowledge*) и интенциональные (*powerful motivation* – сильная мотивация), а также социальные явления (*mighty crisis* – мощный кризис), действия (*herculean effort* – геркулесовы усилия), убеждения (*strong conviction* – сильное убеждение), личностные качества (*potent mind* – могучий ум). В этом же разделе сводится воедино совокупность предметных областей, описываемых с помощью данного сенсорного образа:

эмоциональные состояния		социокультурные явления	
действия	СИЛА – СЛАБОСТЬ	убеждения	
ментальные качества		интенциональные состояния	

Г) Представления о чистоте – грязи ассоциируются с двумя тематическими областями – в основном с моралью и с возобновлением. Физическая чистота ассоциируется с непорочностью, нравственной непогрешимостью, что выражается английскими устойчивыми оборотами:

to keep one's slate clean ‘поддерживать хорошую репутацию’

to make a clean breast of smth. ‘исповедаться в грехах’

to come clean / to clean up one's act ‘исправиться’

cleanliness ‘благочестие’ (букв. ‘чистоплотность’)

spotless / unspotted / unblemished reputation (< старофранц. *blesmir* ‘пятнать’) и т.д.

Соответственно, грязь символизирует порочность, греховность:
foul language ‘сквернословие’ (< древнеангл. *ful* ‘гнилой, нечистый’)
filthy lucre ‘презренный металл, деньги’ (< древнеангл. *fulð* ‘грязь’)
dirty swine ‘негативная оценка морального облика человека’
dirty soul / impure heart (ср. рус. *грязная душонка*) и т.д.

Представления носителей английской лингвокультуры о чистоте связаны также с такой тематической областью, как возобновление, возвращение к началу, отказ от прошлого опыта, опустошение, избавление от прежнего содержимого:

to clean the slate / to start life afresh ‘забыть всё старое и начать новую жизнь’

to start over with a clean slate ‘вернуться на исходные позиции’

to make a clean break with the past ‘порвать с прошлым’

to clean the house ‘уволить неэффективных работников’

clean sheet ‘возможность начать новую жизнь’

to wipe the slate clean ‘начать всё сначала’.

Это значение слова *clean* близко к значениям слов *vacant, unoccupied, blank* ‘пустой, незаполненный’ и противопоставлено значениям слов *filled (in), full, replenished, engaged, occupied* ‘полный, заполненный’. В большинстве таких случаев когнитивной основой является представление о чистом и исписанном (заполненном) бумажном листе или меловой доске. Таким образом, в данном случае наблюдается, так сказать, «семиотический» взгляд на жизнь: жизнь уподобляется тексту, а деятельность – написанию текста (*writing the book of life*).

Д) Представления о конфигурации предметов ассоциируются с разными отвлеченными понятиями, а именно:

- острота / тупость → физические ощущения (*sharp pain*), интенциональные состояния (*keen desire*), эмоциональные состояния (*sharp annoyance*), состояния ума (*keen understanding*), интеллектуальные качества (*sharp intellect*), перцепция (*acute eyesight*), воздействие (*sharp criticism*), взаимодействие (*keen polemic*), объективные обстоятельства (*sharp danger*);

- угловатость / округлость → неловкость, неудобство, неуклюжесть, нескладность, несуразность, неотесанность, невоспитанность (*angular manners / conduct / character*), гладкость, комфорт, удобство (*rounded meal / education*), завершенность, всесторонность (*rounded conclusion*), совершенство (*rounded performance*);

- прямызна / кривизна → простота, непосредственность (*straight expression, manner, thinking*), правдивость, честность, искренность (*forthcoming answer, tone, apologies*), отказ от околичностей (*straightforward explanation*), лживость, усложненность, изворотливость, неискренность, лицемерие, мошенничество, неправильность, отступление от простого и ясного

изложения мыслей (*crooked manner; wry humour; skewy decision, lopsided compromise*).

В § 5 «Перцепция как когнитивная основа ментальной деятельности» установлено, что преемственность ментальной деятельности по отношению к перцепции проявляется в том, что ментальные акты изображаются как акты чувственного восприятия. В частности, мысленный образ объекта, являющийся результатом интеллектуальной переработки сенсорной информации, репрезентируется как непосредственное **в́идение** объекта глазами (e.g. *to see through a milestone* ‘глубоко вникать’; *insight* ‘проницательность; понимание внутренней сути’).

Кроме того, умственные действия представляются как **слышание**. Под слышанием (актом чувственного восприятия) иногда подразумевается понимание (акт ментальной деятельности). Например: *to hear smth. loud and clear* ‘ясно понять что-либо’; *to turn a deaf ear to smth.* ‘игнорировать чьи-либо аргументы’.

Обоняние ассоциируется у носителей английской лингвокультуры с представлениями о предвидении, предвосхищении, интуитивном знании (*to smell the barn* ‘предвкушать скорое завершение дела и достижение результата’; *to smell a rat* ‘предчувствовать опасность’).

Осязание – контактное физическое ощущение – ассоциируется в основном с общением, ментальным контактом, духовной связью людей (*to be in touch / out of touch with smb.* ‘быть / не быть в контакте с кем-либо’; *to touch on the raw* ‘затронуть чувствительную тему в разговоре’).

Представления о **вкусе** как о физическом ощущении во рту переносятся в английской лингвокультуре на представления о предпочтениях, эстетических качествах и о показателях, признаках тех или иных явлений бытия (*to taste blood* ‘ощутить прилив агрессивности’; *a bad taste in one's mouth* ‘остаточное неприятное эмоциональное ощущение’).

Поскольку одна и та же информация может поступать в сознание по разным сенсорным каналам (обонятельному, зрительному и вкусовому), в английских устойчивых оборотах речи наименования этих физических ощущений в ряде случаев оказываются функционально эквивалентными и взаимозаменяемыми (*to keep one's eyes open = to keep one's ears open* ‘быть настороже, начеку’; *to be blind to smth. = to be deaf to smth.* ‘игнорировать что-либо’).

Образы **физической боли** лежат в основе представлений о негативных эмоциях (*to have a headache because of smb.* ‘иметь заботы / хлопоты из-за кого-либо’; *to give smb. a pain in the neck* ‘сильно досаждать кому-либо’). Кроме того, боль ассоциируется с предпринимаемыми усилиями (*to be at pains to achieve smth.* ‘прилагать усилия, чтобы достичь чего-либо’).

Образы **приятных** физических ощущений обычно символизируют позитивные душевные состояния / эмоциональные переживания: *to stroke smb. 's feathers* ‘успокаивать, утешать кого-л.’ (рус. гладить по шерстке); *to*

give smb. a healing kiss ‘утешить, успокоить’; *to be tickled pink* ‘быть польщенным, довольным’; *to kiss smb. ’s ass* простореч. ‘грубо льстить кому-л.’; *caress smb. ’s pride* ‘льстить чьему-л. самолюбию’; *to fondle smb. ’s vanity* ‘ласкать чье-либо тщеславие’; *to pat smb. on the back* ‘хвалить, поощрять кого-либо’.

В этом разделе также показано, что ментальные акты моделируются с помощью образов физических процессов и предметно-практических действий (*to imagine* < *старофранц. imaginer* ‘лепить, ваять, вырезать фигурки’; *to reflect* ‘размышлять’ < лат. *reflectĕre* ‘отражать удар, свет и др.’). Вышеприведенные ассоциации обусловлены наличием синестезической связи между упомянутыми ощущениями.

В § 6 «Проблема понимания в свете концепции когнитивного субстрата» отмечено, что атавизмы предметно-наглядного мышления в познавательной деятельности человека до сих пор столь сильны, что для ясного понимания структуры визуально не воспринимаемого объекта человеку требуется «картинка», встающая перед мысленным взором. Людям требуются наглядно-чувственные аналогии. Эволюция наделила *Homo sapiens* лишь теми органами чувств, которые нужны для выживания в природной среде, и не более того. Соответствующим образом, психика человека приспособлена в первую очередь для восприятия тех явлений мира, которые доступны его органам чувств. Диапазон сенсорного восприятия у человека довольно узок. Но человек, постигая не воспринимаемый чувствами мир с помощью разума, пропускает мир сквозь призму знакомой ему совокупности чувственных представлений, приспособляя воспринимаемые эмпирические данные к имеющимся у него сенсорным образам мира, уподобляя новое старому и тем самым перерабатывая поступающую информацию, включая ее – в адаптированном виде – в собственный когнитивный мир. Понимание достигается путем сведения незнакомого к знакомому.

В целях понимания процессов, происходящих в атомах, люди всё-таки нуждаются в их обозначении привычными языковыми средствами – именами знакомых, видимых объектов. Аналогию можно проводить между объектами самой разной онтологической природы при условии, что они гомоморфны. Наблюдаемые объекты становятся моделями ненаблюдаемых объектов. Это следует учитывать, осмысливая термины-метафоры, которые заключают в своей внутренней форме наглядно-чувственные образы:

- *The Big Bang* (рус. Большой взрыв) – это на самом деле не взрыв в привычном понимании; визуально он невообразим. Наивны попытки представить мысленным взором зарождение Вселенной как нечто вроде взрыва бомбы.

- *Wormholes* (рус. червоточины) – это на самом деле не червоточины, а гипотетические локусы, где обнуляется дистанция между участка-

ми пространства-времени. Безнадежно пытаться создать адекватное зрительное представление о них.

• *Cosmological singularity* (рус. космологическая сингулярность) является собой такое состояние Вселенной, в котором ее плотность и кривизна стремятся к бесконечности. Иногда ее представляют в виде крошечной, еле видимой точки, но это чистая условность. Вне старого старого привычного и понятного формата

Как видно из приведенных примером, вне старого привычного и понятного формата восприятия людям трудно постичь новое, невообразимое, не имеющее «вида».

Сам язык – его единицы и конструкции, отражающие наглядно-чувственный опыт многих поколений, побуждает людей выразить невообразимое. Без этого люди почти не способны мыслить и отражать мир. Этому в значительной мере способствует вербальный язык, в котором содержатся результаты прошлого познавательного опыта людей. Язык, в категориях которого люди мыслят и отражают окружающий мир, заставляет их именовать новые объекты имеющимися вербальным и средствами и встраивать их в имеющиеся грамматические конструкции, тем самым уподобляя новое старому. Как видим, даже на научные объекты люди смотрят в значительной степени сквозь призму обыденного языка, навязывающего им наименования, относящиеся к наивной картине мира. Такова историческая преемственность языкового мышления и вербализации отображения действительности с помощью языка.

В § 7 «Культурные скрипты как часть когнитивного субстрата» отмечено, что в числе когнитивных паттернов особо выделяют такую их разновидность, как культурные скрипты, называемые также динамическими фреймами, схемами организации опыта, культурными сценариями и др.

С учетом принятой в нашей работе когнитивистской точки зрения культурный скрипт определен как вид когнитивного паттерна, который отражает ролевую структуру ситуации или совокупности взаимосвязанных ситуаций (сферы деятельности), типичной для данной этнокультуры. Показано, что некоторые культурные скрипты носят прецедентный характер, выступая в качестве моделей ролевой структуры классов ситуаций.

В § 7 установлены корреляции между образной основой английских культурных скриптов и теми сферами действительности, которые ими моделируются и символизируются. Здесь же охарактеризован ряд самых важных для английской лингвокультуры скриптов. Кроме того, отмечена значимость инокультурных скриптов, заимствованных из текстов христианского Священного Писания и демонстрируется их субстратный характер. Приводится ряд заглавий художественных произведений – цитат из Ветхого и Нового Завета:

Авторы	Заглавия-цитаты	Переводы	Источники
A. Dean	Lucifer Son of the Morning	Люцифер, Сын зари	Исаия 14: 12
J. Graham	The Wrath of God	Гнев Божий	Иеремия 50: 12
J. Steinbeck	The Grapes of Wrath	Гроздь гнева	Откровение 14: 18
J. Steinbeck	East of Eden	К востоку от рая	Бытие 4: 16
E. Hemingway	The Sun Also Rises	И восходит солнце	Екклезиаст 1: 5
W. Faulkner	Absalom, Absalom!	Авессалом, Авессалом!	2 Царств 13: 29
W. Faulkner	Go Down, Moses	Ступай, Моисей	Исход 8: 1

В этом же разделе отмечено, что заглавие занимает сильную позицию в художественном тексте, содержа в себе квинтэссенцию его идейного замысла. Заглавие моделирует содержание текста. Для того чтобы эта функция успешно выполнялась, от читателей требуется знание прецедентного текста, из которого взята цитата, и умение соотносить друг с другом структуру прецедентного текста и текста, озаглавленного цитатой.

В конце раздела приведены обнаруженные нами самые распространенные линии моделирования действительности в английской лингвокультуре:

Модели	Объекты моделирования
предметно-практические действия	ментальные операции
физические ощущения	эмоциональные и волевые состояния
акты чувственного восприятия	акты умственной деятельности
природные явления	события внутреннего мира субъекта
семья	различные социальные институты
тело человека	общество и государство
боевые действия	интеллектуальное противоборство
движение по пути, путешествие	жизнь и деятельность
физические свойства предметов	душевные качества людей
пространственные категории	широкий спектр объектных областей.

В § 8 «Ментальный мир в наглядно-чувственном представлении» на ряде примеров продемонстрированы параллелизм и культурно-историческая преемственность конкретно-практической и абстрактно-теоретической деятельности. В этом разделе показано, что психические явления и процессы выражаются в языке путем применения наглядно-сенсорных образов и не могут выражаться каким-либо иным способом в силу особенностей моделирующей способности человеческого языкового мышления.

По данным английского языка, ментальный мир обладает некоторыми пространственными характеристиками:

глубиной (depths of smb.'s soul / mind, deep / shallow mind, bottom of smb.'s soul);

высотой (high soul, elevated soul / mind, high / low intellect / intelligence);

шириной (broad / narrow mind, vast / big soul, narrow / petty soul).

Согласно широко распространенному представлению, ментальный мир расположен не в мозгу, а в сердце и имеет центр (*in / from the core of smb. 's soul, in the heart of hearts*) и периферию (*at the back of smb. 's mind*).

Понятия об умственных действиях возникли из понятий о действиях внешних, предметно-практических. Это видно на примере английских названий арифметических действий:

to add от *lat. ad-* ‘при-’ + *dare* ‘ставить, помещать’, *букв.* ‘приставлять’

to subtract от *лат. sub-* ‘от-’ + *trahere* ‘тащить’, *букв.* ‘оттаскивать’

to multiply от *лат. multi* ‘многократно’ + *plexere* ‘плести’, *букв.* ‘переплестать’

to divide от *лат. dis-* ‘рас-’ + *visare* ‘членить’, *букв.* ‘расчленять, рассекать’

to count / compute от *лат. com-* ‘со-’ + *putare* ‘ставить’, *букв.* ‘ставить в ряд’ и т.д.

В § 9 «Потенциал семантической системы языка» описаны нереализованные возможности лексико-фразеологической системы и на ряде примеров показано различие между реальными, виртуальными (лакунарными) и потенциальными языковыми единицами.

Виртуальными в нашей работе названы те единицы, которые существуют в речиokkaзионально, но не узуально и не нормативно, а потенциальными – те единицы, которые не употребляются в речи дажеokkaзионально, но в принципе могут возникнуть, так как это допускается системой языка. Например, виртуальным является слово **hoper* ‘тот, кто надеется’ (оно спорадически встречается в английских текстах), а потенциальным – слово **robocab* ‘такси, управляемое искусственным интеллектом’ (оно пока не встречается в английской речи, но может возникнуть).

Между виртуальным и потенциальным доменами английского языка не существует резкой границы. Потенциальный домен языка может до определенных пределов рассматриваться с позиций лакунологии. С этих позиций язык предстает как реальность, которая возникла (в терминах А.Ф. Лосева) из «хаоса бесконечных трансформаций» (потенциала языка).

Существующее предстает на фоне возможного; на этой основе можно ставить вопросы о том, почему в реальный домен перешли именно эти единицы и формы, почему не перешли другие и как этот процесс будет развиваться в дальнейшем; иными словами, можно отслеживать тенденции языковой эволюции и в какой-то мере прогнозировать развитие языка.

В главе III «Грамматический аспект когнитивного субстрата языкового мышления» анализируются разнообразные, порой противоречивые и спорные мнения по ряду вопросов, касающихся связи грамматики со стратегиями языкового мышления, и дается авторская концепция этой связи.

В § 1 «Влияние строя и типа языка на языковое мышление» отмечено, что в давние времена человек с его слабо развитым ego еще не умел проводить отчетливое противопоставление «я – окружающий мир». Мир

(внешний феномен) и картина мира (феномен внутренний) были для него практически тождественны. В предложении субъект еще не выделялся как самостоятельная сущность.

На эргативной стадии развития грамматического строя языка субъект уже выделялся, но это был не человек. Человек позиционировал себя как орудие в руках субъекта. Человек позиционировал себя как инструмент в руках субъекта. Грамматическое предложение строилось по схеме *Крышу сорвало ветром*. В качестве субъекта выступало некое косвенно выраженное «Оно» – причина и инициатор всего происходящего в мире.

Наконец, на номинативной стадии развития мышления и языкового строя человек, добившись успехов в покорении сил природы, ощутил себя хозяином жизни и инициатором действий (*Охотник убил волка*). В морфологии возник самостоятельный, независимый падеж – номинативный. Он противопоставлен всем косвенным падежам в том отношении, что он не управляется глаголом. В синтаксисе возникло подлежащее, существующее само по себе и диктующее сказуемому лицу, число, а в некоторых языках и грамматический род.

В § 1 отмечено, что языки последовательно проходили инкорпорирующую, эргативную и номинативную стадии. В последние десятилетия появились исследования, в рамках которых делались попытки увязать особенности грамматического строя языка с особенностями мышления народа – носителя данного языка. Был выдвинут тезис, что в английском предложении подлежащее в большинстве случаев выражается существительным в номинативном падеже, передающем семантическую роль “агенса”, и это, по мнению сторонников данной доктрины, говорит об активности, инициативности и самостоятельности англосаксов – покорителей мира, хозяев судьбы и кузнецов своего счастья. По контрасту утверждалось, что в русском языке обилие безличных и неопределенно-личных конструкций с отсутствием подлежащего свидетельствует о пассивности русских, их фатализме, покорности и неспособности выступать в качестве хозяев жизни. В порядке подтверждения сопоставлялись грамматические конструкции типа *англ. I did it* (букв. ‘Я сделал это’) *рус. У меня получилось*.

Тщательный анализ позволяет увидеть шаткость подобной аргументации. В § 1 приведены наши возражения против вышеприведенного тезиса. Наблюдения показывают: нет оснований утверждать, что английская личная конструкция предложения с глаголом в форме действительного залога носит сугубо агентивный характер. Агент – это семантическая роль, входящая в падежный фрейм одних лишь акциональных глаголов и выражающая только сознательного инициатора действия. Что касается английского предложения, его подлежащее выражает отнюдь не только агенса, но и любую семантическую роль, а значит, лицо, обозначенное подлежащим, может быть объектом воздействия. В английском предложении подлежа-

щее сочетается не только с акциональными, но и с любыми другими глаголами и выражает все семантические роли:

агенса (John made – Джон сделал),

адресата, т.е. получающий (John received – Джон получил),

пациенса, т.е. претерпевающий (John underwent – Джон подвергся),

статива, т.е. пребывающий в состоянии (John slept – Джон спал),

релятива, т.е. состоящий в отношении (John belonged – Джон принадлежал),

локатива, т.е. вмещающий (John kept a secret inside him – Джон хранил в себе секрет),

локанта, т.е. находящийся в каком-либо месте (John was inside – Джон был внутри),

экспериенцера, т.е. ощущающий (John felt – Джон чувствовал) и др.

Этот факт не позволяет утверждать, что высокая речевая частотность конструкции с подлежащим в общем падеже при глаголе в активном залоге говорит об активном, деятельном характере англосаксов. Англосаксы и вправду таковы, но это – внеязыковой факт; вызывает сомнения наличие причинной связи между этой чертой их характера и этой грамматической конструкцией. Имеются основания утверждать, что данная конструкция частотна не поэтому, а потому, что английская грамматика, обладая сравнительно бедным флексийным фондом, не допускает почти никаких иных форм подлежащего, в том числе и формы датива. У английского существительного попросту нет датива, а потому нет и дативной конструкции.

Упомянутые исследователи не принимают во внимание очевидный факт: английское подлежащее стоит не в номинативном, а в общем падеже, который принципиально отличается от номинативного. Поскольку ныне английское имя существительное имеет только два падежа (общий и притяжательный), общий падеж вынужденно выражает все падежные значения, в ряде случаев даже притяжательное; потому его и именуют общим.

В § 2 «Когнитивная сущность безличных конструкций» отмечено, что в системе английского предложения безличные конструкции хотя и не представлены столь широко, как в русской, но всё же они играют важную роль, противореча утверждению, что в английской грамматике всё вращается вокруг личного субъекта-агенса.

На самом деле реликты мифологического мышления сохранились и здесь. Поскольку морфология английского глагола не допускает нуль-подлежащего (не считая эллиптических и императивных конструкций), большое значение приобрело безличное местоимение *it*, которое употребляется в синтаксической функции подлежащего. Оно выполняло ту же функцию, что и нуль – функцию эвфемистической замены табуированного имени. Его семантика разнообразна, она определяется разнообразностью безличного предложения. В предложениях типа *It rains / drizzles / snows / hails / lightnings / thunders* местоимение *it* в функции подлежащего – это,

в исторической ретроспективе, не что иное как эвфемистическая замена имени сверхъестественного существа, которое управляет всем на свете. В приведенной конструкции подлежащим является «Оно» (*It*), которое заставляет осмысливать обозначаемую ситуацию в определенном формате: в качестве агенса выступает не человек, а некая стихия, нечеловеческая по своей природе и неподконтрольная людям. В этом формате мировосприятия ощущаются отголоски архаического мышления, хотя в наше время они не акцентированы и носят имплицитный характер, а местоимение *it* функционирует как формальное подлежащее.

Таким образом складывается когнитивный формат рассматриваемой грамматической конструкции: некий субъект присутствует в некоем месте, наблюдает и оценивает состояние всего, что расположено в этом месте. При этом субъект вовлечен в ситуацию и на себе испытывает состояние объекта через свои органы чувств. В этом формате англосаксы осмысливают такие ситуации.

Близка к вышеописанной и темпоральная конструкция *It is 8 p.m. / It is evening (now)* с той разницей, что амбиентный субъект (*it*) характеризуется по локализации не в пространстве, а во времени (на временной оси).

В русском языке для обозначения эмоций существует личный способ наряду с безличным:

Ивану страшно = Иван боится,

Ивану грустно = Иван грустит,

Ивану стыдно = Иван стыдится,

Ивану обидно = Иван обижается и т.п.,

и статистически не подтверждается, что в русской речи безличный способ предпочитается личному. Например, предложения *Я боюсь* и *Мне страшно* – равноценные способы обозначения страха в русском языке. Значит ли это, что русские не всегда контролируют свои эмоции, а англосаксы контролируют их всегда? Это утверждение представляется сомнительным.

В действительности в русской речи выбор личного или безличного способа обозначения эмоций определяется не тем, что русские то контролируют, то не контролируют эмоции. Выбор диктуется расхождениями (а) в семантических нюансах: *Я стыжусь / жалею / обижаюсь* (многократно переживаемые состояния) – *Мне стыдно / жалко / обидно* (сиюминутные состояния); (б) в стилистических нюансах: *Я испытываю удовольствие / отвращение* (книжный стиль речи) – *Мне приятно / противно* (нейтральный стиль речи); (в) в сочетаемости: *Я завидую* (кому-либо – косвенное дополнение) – *Мне завидно, что ...* (+ придаточное изъяснительное).

Русские конструкции с дативом (*Мне подумалось, Мне не спится вместе Я подумал, Я не хочу спать*) отражают тот факт, что некоторые психические процессы неподконтрольны сознанию, исходят из сферы бессознательного и воздействуют на сознание. В английском языке, по закону компенсации, этот факт тоже отражен, но только, за неимением косвенных падежей, с помощью других грамматических конструкций:

а) конструкция, в которой формальным подлежащим является местоимение *it*

It came to my mind ('мне пришло в голову')

It seemed to me ('мне показалось')

It dawned on me ('до меня дошло')

It occurred to me ('меня осенило')

It struck me ('меня поразило');

б) конструкция, в которой формальным подлежащим является название эмоции

Anger seized me ('меня обуял гнев')

Fear befell me ('на меня напал страх')

Desire overcame me ('мною овладело желание')

Joy overwhelmed me ('меня захлестнула радость')

Anxiety took hold of me ('меня охватила тревога') и т.п.

Как видим, в этих английских конструкциях человек обозначен формой не номинативного (субъектного) падежа в роли агенса, а формой объектного падежа местоимения в функции предложного дополнения (*to me / on me*) в роли экспериенцера и прямого дополнения (*me*) в роли пациента. Это показывает, что здесь эмоции не подконтрольны англосаксу так же, как и русскому. То, что эмоции в одних случаях в той или иной мере контролируются, а в других не поддаются контролю – это универсальный факт, не определяемый этнической принадлежностью субъекта. У англосаксов психические процессы в ряде случаев бывают столь же неподконтрольны сознанию, сколь и у русских, что и подтверждается приведенными английскими конструкциями.

В этом же разделе на примерах показано: разница между английским и русским языками в рассмотренной области состоит не в том, что один из них – язык активистов, а другой – язык фаталистов, а в том, что одни и те же явления обозначаются неодинаковыми способами, определяемыми разницей в структурах этих языков. Именно в этих языковых способах моделирования реальности заключается этническое своеобразие языкового мышления.

В § 3 «Семантическая имплицитность / эксплицитность наименований» показано, что английские языковые образования в целом характеризуются высокой степенью семантической имплицитности. Это обусловлено двумя факторами: (а) аналитизмом английского языкового строя, проистекающим из бедности его флексийного фонда; (б) высокоразвитой полисемией и омонимией английских слов.

Феномен смысловой имплицитности продемонстрирован в § 3 на примере английских субстантивных биномов. В этом же разделе показано, что синтаксическая связь «примыкание» способствует вытеснению значительной части смысла в имплицит, в результате чего английские субстантивные биномы характеризуются высокой смысловой ёмкостью и лаконизмом, а

их русские эквиваленты менее экономны в этом плане; зато русские обороты более мотивационно прозрачны. В этом же разделе отмечено: пропускная способность канала передачи информации определяется тем, какое количество содержания приходится на единицу плана выражения, т.е. семантической ёмкостью речи. Согласно нашим наблюдениям, английская речь обладает высокой семантической ёмкостью.

Имплицитный смысл, образно говоря, «проваливается» в подтекст через пробел между словами. В порядке иллюстрации в данном разделе приводится еще один модельный ряд (имплицитный смысл выделен курсивом):

apple fragrance – аромат, *испускаемый* яблоками

apple acid – кислота, *содержащаяся в* яблоках

apple tree – дерево, *плодоносящее* яблоками

apple worm – червь, *питающийся* яблоками

apple jam – джем, *приготовленный* из яблок

apple pulp – мякоть, *составляющая* яблоко

apple peel – кожура, *покрывающая* яблоко

apple pie – пирог, *начиненный* яблоками

apple diet – диета, *состоящая* из яблок.

Как видим, английские субстантивные биномы способны имплицитно выражать любые смысловые отношения между лексическими компонентами, извлекаемые из фоновых знаний и согласующиеся с логикой здравого смысла. Языковое мышление реципиента работает аналитически, расшифровывая такие языковые образования путем выявления упомянутых смысловых отношений.

Семантическая неопределенность синтаксической связи «примыкания» в ряде случаев приводит к амбивалентности словосочетаний и неоднозначности их расшифровки. Реципиент может выдвигать разные версии по поводу того, в каком смысловом отношении состоят компоненты субстантивного биннома:

air cooler – устройство, охлаждающее воздух (кондиционер), или устройство, охлаждающее (двигатель) потоком воздуха;

distance recorder – самописец с дистанционным управлением или регистратор пройденного пути;

ice building – здание, сделанное из льда, или хранилище льда в теплое время года;

gas heater – обогреватель помещений (калорифер), работающий на газе, или теплообменный аппарат для нагрева проходящего через него газа;

fire signal – сигнальный огонь или противопожарный сигнал.

Амбивалентность субстантивных биномов вызывается и иным фактором – полисемией либо омонимией лексических компонентов, например:

volume increase – увеличение ёмкости или увеличение громкости;

sound conductor – проводник звука или исправный проводник;

light gadget – легкий прибор или оптический прибор.

Для того чтобы точно установить значения таких сочетаний в конкретных случаях их употребления, реципиент привлекает контекст и речевую ситуацию. Так языковое сознание справляется с задачей расшифровки этих лаконичных названий с частично скрытым смыслом.

Тактика английского языкового мышления состоит в том, чтобы убирать (по возможности) смысл в имплицит. Этим английская речь отлична от русской, в которой мысль выражается эксплицитнее, а значит, детальнее.

В § 4 «Выражение пола / гендера языковыми средствами в свете концепции когнитивного субстрата» отмечено, что для языкового мышления выражение пола / гендера всегда было одним из важнейших условий моделирования социокультурной действительности и коммуникации. Пол / гендер выражается как лексико-фразеологическими, так и грамматическими средствами. В течение тысячелетий в языках мира грамматическая категория рода формировалась на базе более архаичных морфологических категорий и развивалась в разных направлениях. В настоящее время она представлена в грамматиках языков в широком диапазоне.

Обозначение пола / гендера языковыми средствами высокозначимо для языкового мышления потому, что половой/ гендерный диморфизм представляет собой одну из важнейших основ бытия человеческого рода, общественного устройства и функционирования механизмов культуры – ведь он обеспечивает ауторепродукцию человечества, обуславливает существование семьи (ячейки общества), диктует распределение социальных ролей, во многом определяет характер цивилизации и культуры, радикально влияет на психологию людей и, говоря в целом, пронизывает человеческое сообщество сверху донизу. Но в XX столетии на Западе появилось идейное течение, покусившееся на эту основу основ языкового мышления. В борьбе за равноправие полов понятие равноправия было подменено понятием равенства, а оно – понятием гендерного тождества, которое стало идеалом феминисток и целью, к которой они активно устремились, «стирая грани» между мужчинами и женщинами. Дальнейшее развитие данной тенденции, должно, по идее, со временем привести к тому, что английская речь в большой мере перестанет выражать гендерную принадлежность участников общения и лиц, упоминаемых в речи.

В этом же разделе перечислены социокультурные последствия, которые может повлечь за собой попытка лишить язык средств выражения пола / гендера. Если такая метаморфоза английского языка и культуры действительно произойдет, то, согласно гипотезе лингвистической относительности, она кардинально повлияет на англоязычные и культурно ориентирующиеся на них народы. Их постигнут роковые перемены: перераспределение социальных ролей, частичная утрата гендерно-ролевой идентификации, сближение гендерных полюсов во всех мыслимых аспектах, частичное слияние гендерных стереотипов мышления и поведения, ослабление маскулинных и фемининных личностных свойств и черт характера, фор-

мирование и распространение андрогинного культурного типажа, ослабление половой любви, упадок любовной лирики в искусстве. Это будет другой мир с существенно иным когнитивным субстратом языкового мышления. Мы не беремся давать ему оценки, а лишь стремимся выявить ряд причинно-следственных связей в этой области лингвокультуры.

Ныне эти процессы сравнительно легко протекают в английском языке. На этом фоне не так уж трудно осуществить некоторые частные изменения в лексическом фонде, и в итоге английский язык в большой мере утратит способность выражать пол / гендер.

Однако в ряде других языков совершить такую операцию гораздо труднее, если вообще возможно. Широкой экспансии охарактеризованных новшеств в существенной мере препятствует разница между грамматической структурой английского языка и структурами тех языков, на которые он оказывает влияние в ходе лингвистической экспансии. К их числу принадлежат в первую очередь флективные языки и, в частности, русский язык.

В § 5 «Порядок слов предложения в лингвокогнитивном аспекте» показано, что, вопреки утверждению ряда лингвистов, фиксированный порядок слов в предложении не свидетельствует о стройности и логичности мышления носителей языка, а вариативный порядок слов не говорит о спорадичности языкового мышления.

У грамматики свои законы; она в значительно меньшей степени определяется социальными, культурными и психологическими особенностями народа, чем лексика и фразеология. Порядок слов гораздо более детерминирован типом и строем языка, нежели внеязыковыми факторами.

В § 6 «Категория определенности / неопределенности существительного в лингвокогнитивном аспекте» показано, что специфика употребления артиклей и притяжательных местоимений, входящих в число языковых средств выражения этой категории в английском языке, определяется не психологическими особенностями англосаксов, а собственно языковым фактором – типологическими свойствами английской грамматики.

В § 7 «Употребление форм пассивного залога глагола в лингвокогнитивном аспекте» выдвинуты аргументы против утверждения о том, что частота употребления форм активного и пассивного залога глагола якобы определяется чертами национального менталитета. По нашим наблюдениям, она определяется, как и в предыдущем случае, не психологическим, а языковым фактором – типологическими чертами грамматики. На этом основании сделан вывод о том, что ряд популярных культурно-языковых сопоставлений при тщательном рассмотрении выглядит в той или иной мере умозрительным и в некотором роде субъективно, демонстрируя идейно-пропагандистский уклон там, где требуется научный анализ. Нами приведены аргументы против идеологизации науки и сделана попытка, состоящая в том, чтобы, согласно принципу Оккама, оставаться в русле собственно лингвистической аргументации.

В Заключении подводятся главные итоги исследования и намечаются его перспективы:

1. Продолжение изучения преемственности между предметно-практическим и абстрактно-теоретическим языковым мышлением.

2. Дальнейшее углубление понимания того, как грамматический строй языка определяет стратегии языкового мышления.

3. Развитие речевого аспекта концепции когнитивного субстрата семантической системы языка и языкового мышления.

4. Верификация и распространение теоретических выводов, сделанных на материале английского языка, на другие языки (как аналитического, так и синтетического строя).

Основное содержание работы отражено в следующих публикациях автора:

Монография

1. Савицкая, Е.В. Когнитивный субстрат семантической системы английского языка и английского языкового мышления: Монография / Е.В. Савицкая. – Самара: Самарский гос. социально-педагогический ун-т, Порто-Принт, 2021. – 428 с. (24,9 п.л.).

Учебное пособие

2. Савицкая, Е.В. Лакунология современного английского языка: Учебное пособие к спецкурсу / Е.В. Савицкая. – Самара: Самарский гос. социально-педагогический ун-т, 2018. – 195 с. (11,4 п.л.).

Статьи, опубликованные в ведущих российских периодических изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации

3. Савицкая, Е.В. Языковые лакуны в свете диалектической логики / Е.В. Савицкая // Известия Волгоградского гос. педагогического ун-та. – № 10(95). – 2014. – С. 4-8 (0,4 п.л.).

4. Савицкая, Е.В. Лакунарные единицы и формы в онтологическом аспекте / Е.В. Савицкая // Известия Самарского научного центра РАН. – Т. 17. – № 1(3). 2015. – С. 717-720 (0,4 п.л.).

5. Савицкая, Е.В. Лакуны в английских фразеологических полях / Е.В. Савицкая // Филологические науки: вопросы теории и практики. – № 5(59). – 2016. – Тамбов: Грамота. – С. 134-138 (0,5 п.л.).

6. Савицкая, Е.В. Вариативность смыслового наполнения понятия “концептуальная лакуна” / Е.В. Савицкая // Вестник Московского гос. областного ун-та. Серия: Русская филология. – № 1. – 2018. – С. 24-30 (0,5 п.л.).

7. Савицкая, Е.В. Спациальное моделирование действительности в естественном языке / Е.В. Савицкая // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Серия Гуманитарные науки. – 2018. № 09/2. – С. 157-160 (0,5 п.л.).

8. Савицкая, Е.В. Когнитивный субстрат языкового мышления / Е.В. Савицкая // Известия Воронежского гос. педагогического ун-та. – № 1(282). – 2019. – С. 166-177 (0,5 п.л.).

9. Савицкая, Е.В. Когнитивные паттерны языкового мышления / Е.В. Савицкая // Мир науки. Социология, филология, культурология. Электронный журнал. – 2020. – № 3. – С. 20-25 (0,5 п.л.).

10. Савицкая, Е.В. Пассивные и безличные грамматические конструкции в когнитивно-лингвистическом аспекте // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – № 4. – 2020. – С. 13-18 (0,6 п.л.).

11. Савицкая, Е.В. Когнитивный паттерн “ментальные явления” в английской лингвокультуре / Е.В. Савицкая // Вестник Пермского гос. ун-та. Серия: российская и зарубежная филология. – Т. 13. – № 3. – 2021. – С. 51-59. (0,5 п.л.).

12. Савицкая, Е.В. Роль когнитивных паттернов в моделировании действительности средствами естественного языка (на материале английского когнитивного паттерна “чистота / грязь”) / Е.В. Савицкая // Вестник Нижегородского гос. лингвистического ун-та им. Н.А. Добролюбова. – № 1(53). – 2021. – С. 69-81 (0,4 п.л.).

13. Савицкая, Е.В. Культурные скрипты как часть когнитивного субстрата языкового мышления / Е.В. Савицкая // Известия Волгоградского гос. педагогического ун-та. – 2021. – № 3(156). – С. 118-122 (0,5 п.л.).

14. Савицкая, Е.В. Менталитет народа и синтаксис языка: вектор влияния (на материале английских и русских безличных конструкций) / Е.В. Савицкая // Известия Волгоградского гос. педагогического ун-та. – № 4(167). – 2022. – С. 162-167 (0,5 п.л.).

15. Савицкая, Е.В. Внутренняя форма языковой единицы как мотиватор ее значения (на материале английского и русского языков) / Е.В. Савицкая // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2022. – С. 2660-2665 (0,5 п.л.).

16. Савицкая, Е.В. О сенсорно-наглядном субстрате абстрактного языкового мышления / Е.В. Савицкая // Известия Воронежского гос. педагогического ун-та. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. – № 2(295). – 2022. – С. 213-216 (0,4 п.л.).

17. Савицкая, Е.В. К обоснованию понятия “когнитивный паттерн” / Е.В. Савицкая // Вестник Московского гос. областного ун-та (электронный журнал). – 2022. – № 1. – С. 240-252 (0,6 п.л.).

18. Савицкая, Е.В. К вопросу о приоритетах в спектре функций естественного языка / Е.В. Савицкая // Вестник Воронежского гос. ун-та. – Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2023. – № 1. – С. 13-19 (0,6 п.л.).

*Публикации в научных журналах, сборниках научных трудов
и в сборниках материалов научных конференций*

19. Савицкая, Е.В. Структурно-семантические и функциональные особенности заглавий текстов разных жанров / Е.В. Савицкая // Традиции и новаторство в развитии лингвистической и методической мысли: Материалы международной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения проф. В.А. Малаховского. – Самара, 2 декабря 2010. – Самара: Поволжская гос. социально-гуманитарная академия, 2010. – С. 84-92 (0,2 п.л.).

20. Савицкая, Е.В. Порождение речи в свете теории дискурса / Е.В. Савицкая // Человек. Язык. Культура: Сб. науч. статей, посвященных 60-летию юбилею В.И. Карасика. Киев: Издательский дом Д. Бураго, 2013. – С. 736-746 (0,6 п.л.).
21. Савицкая, Е.В. Внутриязыковая трактовка лакун / Е.В. Савицкая // Вестник Самарского гос. ун-та. – № 9(120). – Самара, 2014. – С. 128-133 (0,6 п.л.).
22. Савицкая, Е.В. Лингвоконцептуальные лакуны: интракультурный аспект / Е.В. Савицкая // Известия Самарского научного центра РАН. – Т. 17. – № 1. – 2015. – С. 176-178 (0,4 п.л.).
23. Савицкая, Е.В. К вопросу о сущности языковых лакун / Е.В. Савицкая, О.Н. Шалифова // Известия Самарского научного центра РАН. – Т. 17. – № 1. – 2015. – С. 179-183 (0,5 п.л., доля авторского участия – 0,3 п.л.).
24. Савицкая, Е.В. Лакунарные языковые единицы и формы: онтологический статус / Е.В. Савицкая // Поволжский педагогический вестник. – № 3(12). – 2016. – С. 79-83 (0,4 п.л.).
25. Савицкая, Е.В. Мультикодовый характер художественного текста / Е.В. Савицкая // Международный научный ин-т «Эдукацио». – № 4(30). – Новосибирск, 2017. – С. 26-29 (0,3 п.л.).
26. Савицкая, Е.В. Дискурсивные аспекты процесса речепорождения / Е.В. Савицкая, В.М. Савицкий // Scitechnology. Международный научный журнал. – № 13. – 2018. – С. 28-30 (0,4 п.л., доля авторского участия – 0,2 п.л.).
27. Савицкая, Е.В. Лексические лакуны в английском языке / Е.В. Савицкая // Научный форум: Филология, искусствоведение и культурология. Сборник статей по материалам XII международной научно-практической конференции. – Т. 1(12). – 2018. – М.: Международный центр науки и образования. 2018. – С. 81-89 (0,5 п.л.).
28. Савицкая, Е.В. Лакуны и эволюция языка / Е.В. Савицкая // Актуальные направления фундаментальных и прикладных исследований. Материалы XVII Международной научно-практической конференции. 29–30 октября 2018. North Charleston (USA). University of Charleston, 2018. – С. 68-77 (0,6 п.л.).
29. Савицкая, Е.В. Ценностные смыслы как элементы идейно-художественного содержания текста / Е.В. Савицкая, В.М. Савицкий // Лингвокультурные ценности в языковом сознании и коммуникативной практике: Материалы Международной науч. конференции. – Тяньцзинь, 16 ноября 2018. – Тяньцзинь: Тяньцзиньский ун-т иностранных языков, 2019. – С. 361-369 (0,5 п.л., доля авторского участия – 0,2 п.л.).
30. Савицкая, Е.В. Когнитивный субстрат языкового мышления: семиотический аспект / Е.В. Савицкая, В.М. Савицкий // Этническая культура. Научный журнал Чувашского гос. института культуры и искусств. – Вып. 2 (3). – 2020. – С. 74-77 (0,4 п.л., доля авторского участия – 0,2 п.л.).
31. Савицкая, Е.В. Зависимость выражения пола / гендера от строя языка / Е.В. Савицкая // Актуальные направления современной науки, образования и технологий: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Чебоксары: Когнитус, 2020. – С. 151-160 (0,6 п.л.).
32. Савицкая, Е.В. К вопросу о связи грамматического строя языка и языкового мышления / Е.В. Савицкая // Евразийский Союз Ученых. Международный журнал. – Серия: Филологические науки. – 2020. – Вып. 71. – Т. 2. – С. 32-35 (0,4 п.л.).
33. Савицкая, Е.В. Реликты картин мира в семантике естественного языка / Е.В. Савицкая // Общество, образование и культура в XXI веке. Гуманитарный научный вестник. – 2020. – № 2. – С. 138-143 (0,5 п.л.).

34. Савицкая, Е.В. Взаимодействие культурной и языковой компетенций при освоении навыков народной речи в учебном дискурсе / Е.В. Савицкая // Дискурс профессиональной коммуникации. Научный журнал МГИМО. – Т. 2. – Вып. 1. – 2020. – С. 59-71 (0,8 п.л.).

35. Савицкая, Е.В. Соотношение коммуникативной, моделирующей и кумулятивной функций языка / Е.В. Савицкая // Культура. Наука. Образование: современные тренды: Коллективная монография / под ред. Г.Н. Петрова, В.Ю. Арестовой. – Чебоксары: Издательский дом «Среда» Чувашского гос. ин-та культуры и искусств, 2020. – С. 72-80 (0,6 п.л.).

36. Савицкая, Е.В. Соотношение языкового и неязыкового мышления / Е.В. Савицкая // Наука, образование и культура. Научно-теоретический журнал. – 2020. – № 7(51). – С. 30-34 (0,4 п.л.).

37. Савицкая, Е.В. ИмPLICITный компонент значений языковых единиц и его влияние на языковое мышление / Е.В. Савицкая // Научные исследования и современное образование: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Чебоксары: Чувашский гос. ин-т культуры и искусств, ЦНС «Интерактив плюс», 2020. – С. 126-132 (0,5 п.л.).

38. Савицкая, Е.В. Потенциал семантической системы языка (на английском языковом материале) / Е.В. Савицкая, В.М. Савицкий // Текст, дискурс, нарратив: современные тенденции и перспективы развития: Материалы международной научной конференции. Тяньцзиньский ун-т иностранных языков, Волгоградский гос. социально-педагогический ун-т, 1–3 октября 2020 / под ред. О.А. Леонтович, Ли Инъин. – Волгоград: Прин-Терра, 2020. – С. 179-190 (0,5 п.л., доля авторского участия – 0,2 п.л.).

39. Савицкая, Е.В. Конфигурация предметов как когнитивный архетип английской лингвокультуры / Е.В. Савицкая // Бюллетень науки и практики. Научный журнал. – Издательский центр «Наука и практика». – 2020. – Т. 6. – № 8. – С. 304-311 (0,5 п.л.).

40. Савицкая, Е.В. Выражение понятий «созидание» и «уничтожение» во внутренней форме английского языка / Е.В. Савицкая // Инновационные исследования как локомотив развития современной науки: от теоретических парадигм к практике. Электронный сборник науч. статей по материалам XXVIII Международной научно-практической конференции. М.: Вестник НИЦ МИСИ. Актуальные вопросы современной науки. – 2020. – С. 573-584 (0,6 п.л.).

41. Савицкая, Е.В. Зависимость между грамматическим строем языка и стратегиями языкового мышления / Е.В. Савицкая // Этническая культура. Научный журнал Чувашского гос. института культуры и искусств. – № 3(4). – 2020. – С. 35-39 (0,5 п.л.).

42. Савицкая, Е.В. Взаимодействие обыденно-языковой и научно-языковой картин мира в сознании современного человека / Е.В. Савицкая // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение. Материалы IV Международной научно-практической конференции. – Орел: изд-во Орловского гос. ун-та им. И.С. Тургенева, 2020. – С. 112-119 (0,5 п.л.).

43. Савицкая, Е.В. Совмещение научной и обыденной картин мира в семантике слова и в языковом сознании / Е.В. Савицкая // Языковое сознание. Речевая коммуникация: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти проф. В.Е. Гольдина / под ред. В.В. Де-

ментьева. – Саратов: изд-во Саратовского национально-исследовательского ун-та им. Н.Г. Чернышевского, 2020. – С. 51-58 (0,5 п.л.).

44. Савицкая, Е.В. Структура предложения: лингвокогнитивный аспект / Е.В. Савицкая // Современные проблемы литературоведения, лингвистики, коммуникативистики глазами молодых ученых. Традиции и новаторство: Сб. статей Башкирского ун-та. Уфа, 2020. – С. 114-117 (0,4 п.л.).

45. Савицкая, Е.В. Роль общеупотребительного языка в научном познании / Е.В. Савицкая // Языковые единицы в свете современных научных парадигм. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Уфа: Башкирский гос. ун-т, 2020. – С. 285-291 (0,5 п.л.).

46. Савицкая, Е.В. Содержание понятия «когнитивный субстрат языкового мышления» / Е.В. Савицкая // Поволжский педагогический вестник. – 2021. – Т. 9. – № 3(32). – С. 68-74 (0,5 п.л.).

47. Савицкая, Е.В. Грамматика и идеология (сопоставительный анализ средств обозначения пола / гендера в английском и русском языках) / Е.В. Савицкая // Сопоставительные исследования-2021. Сопоставительные методы в лингвистических исследованиях. Межъязыковое и внутриязыковое сопоставление: Материалы VII Всероссийской научной конференции с международным участием / под ред. М.А. Стерниной. – Вып. 18. – Воронеж: изд-во «РИТМ», 2021. – С. 196-201 (0,5 п.л.).

48. Савицкая, Е.В. Вербальный язык как средство формирования мысли / Е.В. Савицкая // Гуманитарный научный вестник. Электронный научный журнал. – 2021. – № 8. – С. 161-168 (0,5 п.л.).

49. Савицкая, Е.В. Опозиция «правое :: левое» как когнитивный паттерн языкового мышления (на материале английского языка) / Е.В. Савицкая // Сб. научных трудов V Международной научно-практической конференции «Язык, культура, коммуникация: изучение и обучение» / под ред. О.Б. Абакумовой. – Орел: Орловский гос. ун-т им. И.С. Тургенева, 2021. – С. 432-437 (0,5 п.л.).

50. Савицкая, Е.В. Способы реализации кумулятивной функции языка / Е.В. Савицкая // Состояние и перспективы лингвистической и методической мысли в современном образовательном пространстве: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной юбилеям А.Н. Гвоздева и Е.М. Кубарева. – Самара: Самарский гос. социально-педагогический ун-т, 2022. – С. 75-87 (0,5 п.л.).

51. Савицкая, Е.В. Порядок слов и этнический менталитет (на материале английского языка) / Е.В. Савицкая // Актуальные вопросы филологии и лингводидактики: Монография памяти проф. Ф.А. Литвина. – Орел: Картуш, 2022. – С. 158-163 (0,4 п.л.).

52. Савицкая, Е.В. Когнитивный паттерн «Близость / дальность» в английской лингвокультуре / Е.В. Савицкая // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение. Сборник материалов VI Международной научно-практической очно-заочной конференции. – Орёл: Орловский гос. ун-т имени И.С. Тургенева, 2022. – С. 212-217 (0,5 п.л.).

53. Савицкая, Е.В. Когнитивные паттерны и их применение при описании картины мира / Е.В. Савицкая // Поволжский педагогический вестник. – 2023. – Т. 11. – № 2(39). – С. 35-42 (0,5 п.л.).

54. Савицкая, Е.В. Роль обыденного языка в научном познании / Е.В. Савицкая // Иностранные языки и литературы в контексте культуры: Сб. статей по мате-

риалам XX Международной научно-практической конф., посвященной 20-летию факультета современных иностранных языков и литератур Пермского национально-исследовательского ун-та. – Пермь: Пермский национально-исследовательский ун-т, 2023. – С. 21-27 (0,5 п.л.).

55. Савицкая, Е.В. Строй мышления и строй языка / Е.В. Савицкая // Перспективные исследования в современном мире: Сб. статей по материалам Международной научной конференции. Вологда, 27.05.2023. – М.: Международный институт перспективных исследований им. М.В. Ломоносова, 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://spbipi.ru/#tab 856975> – С. 55-57 (0,2 п.л.).

56. Савицкая, Е.В. Две языковых картины мира: единство противоположностей / Е.В. Савицкая // Гуманитарный научный вестник. Серия: Филологические науки. – 2023. – № 3. [Электронный ресурс]. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2023/03/Savitskaya.pdf>. – С. 1-6 (0,5 п.л.).

57. Савицкая, Е.В. Порядок слов предложения в лингвокогнитивном аспекте / Е.В. Савицкая // Флагман науки: Международный научный журнал. Апрель 2023. – СПб.: изд-во ГНИИ «Нацразвитие». – 2023. – № 3(3). – С. 495-501 (0,6 п.л.).

САВИЦКАЯ Екатерина Владимировна

КОГНИТИВНЫЙ СУБСТРАТ
СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА
И ЯЗЫКОВОГО МЫШЛЕНИЯ

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Подписано к печати 14.02.25. Формат 60x84/16. Бум. офс.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 2,4. Уч.-изд. л. 2,5. Тираж 100 экз. Заказ

Научное издательство ВГСПУ «Перемена»
Отпечатано в типографии ИП Миллер А.Г.
400005, Волгоград, пр-кт им. В. И. Ленина, 27